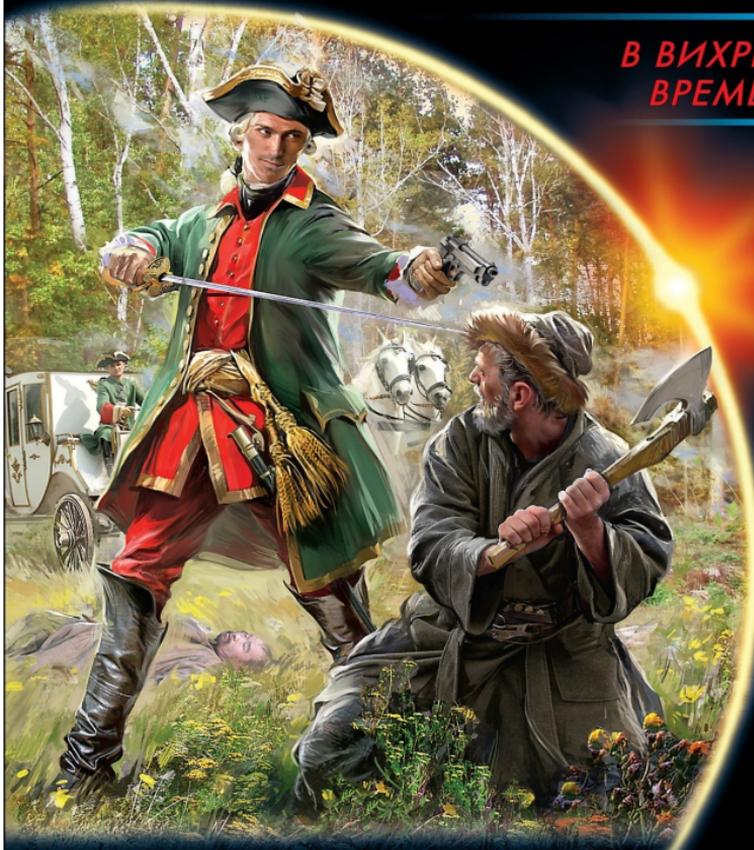

ПОСОЛ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

Эдгар КРЕЙС

Эдгар Крейс
Посол Петра Великого
Серия «В вихре времен»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38986993

Посол Петра Великого: Юза-Каталог; М.; 2018

ISBN 978-5-6040914-3-2

Аннотация

Оперативник МУРа Николай Бельский вновь в водовороте колеса времени. Теперь он предлагает свои услуги царю Петру. Но для получения новой должности необходимо пройти тест на профпригодность. Для чего потребуется спасти государя от покушения и вычислить заговорщиков.

Петр Алексеевич высоко оценил способности своего нового сотрудника и поручает ему найти нового союзника в войне со Швецией и сделать так, чтобы Великое посольство в Европу стало трамплином для технического прорыва, гарантирующим России выход к Балтийскому морю.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Эдгар Крейс

Посол Петра Великого

© Крейс Э., 2018

© ООО «Яуза-Каталог», 2018

Пролог

Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор настоятельно сообщает всем подданным его государева величества, а также приезжим гостям, что в присутственных местах, а также ошобливо – на ашамблеях и машкарадах, учинённых государем для отдохновения и поднятия духа его подданных, горячительные напитки принимать в меру своего опыта и разумения, но, в то же время, относиться с почтением ко всяческим просьбам государевой особы и не отказываться от оной, прежде трижды не подумавши. Всяк, проявивший опосля пития оных напитков излишнюю говорливость и вредность поведения своего, может быть допрошен нашим князем-кесарем с особым пристрастием и усердием, дабы мы могли уразуметь истинные и искренние намерения сего человека. За причинённые тому вследствие оных действий князя-кесаря различных вредностей по здоровью али вредности для самой его жизни – ни члены Всешутейного, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора, ни тем паче государева особа ответственности нести не могут и любые притязания князем-папой и князем-кесарем будут с негодованием и всяческой суровостью отклонены, как крайне излишние и особо вредные государю нашему и государству оному

Глава 1

Другая Москва

– Ну, заходи-заходи, будь моим гостем! Не бойсь – я пока ещё не кусаюсь! – весело произнёс Пётр Алексеевич, распахнул дверь своего кабинета и хитро усмехнулся.

Николай оглянулся на оставшихся в соседнем зале друзей и Марфу и переступил порог. Он оказался не в государевом кабинете, а скорее даже в просторной столярной мастерской. Остановился и удивленно осмотрелся. В нос бил острый запах свежей древесной стружки. Рядом с окном стоял широкий стол плотника с ящиком для инструментов, а в центре его – незаконченный макет большого парусного корабля. С противоположной стороны находился ещё один стол с письменными принадлежностями, ворохом исписанных бумаг и морскими картами. На подоконнике соседнего окна – ещё один макет большого трёхмачтового корабля. Стены кабинета выглядели довольно своеобразно, ибо обиты были обоями с гравюрами самых разных заморских городов. По большей части на них изображались порты и европейские верфи и морские просторы с множеством больших и малых парусных кораблей.

– Сейчас проверим, не набрехал ли ты мне, что по морю на кораблях ходил да навыки кое-какие морские имеешь!

Царь удовлетворённо посмотрел на удивлённого гостя, а затем широким, быстрым шагом подошёл к большому макету трёхмачтового парусника, указал пальцем на его среднюю мачту и хитро щурясь спросил:

– Это что?

– Мачта, – пожал плечами Николай, мысленно радуясь, что за время плавания с англичанами не терял даром время и из врождённого любопытства излазил весь корабль вдоль и поперёк, выпрашивая у матросов и офицеров об его устройстве и назначении элементов конструкции и особенностях управления парусами.

– Сам знаю, что это мачта! – нетерпеливо повысил голос Пётр Алексеевич. – Я тебя спрашиваю: как она называется по морской терминологии?!

– Грот-мачта, – также спокойно ответил испытуемый.

– Правильно! – тут же успокоился царь.

По внешнему виду было заметно, что ответ гостя его обрадовал, но он тут же быстро указал на следующую мачту.

– А эта?

– Фок-мачта.

– А вот эта?

– Бизань-мачта.

– Тоже верно! Тогда вот это что?

– Такелаж.

– А точнее? – вновь прищурившись, хитро спросил царь.

– Стоячий такелаж. Предназначен для крепления рангоу-

та судна. Кроме него, есть подвижный такелаж для управления парусным оснащением. В отличие от стоячего такелажа, который крепят при постройке судна раз и навсегда, канаты подвижного такелажа не смолят, так как они постоянно находятся в работе и, будучи смазанными, станут неудобными для действий экипажа.

Пётр Алексеевич удивлённо посмотрел на Николая, будто бы заново увидел его. Затем подскочил, порывисто обнял и трижды расцеловал. Но тут же на шаг отступил от гостя, ещё раз осмотрел его и торжественно произнёс:

– Теперь верю, что ты не в одних кабаках пропадал в ихнем Лондоне да пиво пил, а должным образом учился умуразуму. На верфях и мануфактурах побывать успел?

– За время своего путешествия мне много где удалось побывать. Бывал и на верфях, и на мануфактурах. Довелось близко изучать у них способы производства пушек. Целый год по их мануфактурам лазил. Изучал, как и с каким качеством они свой товар делают. Объездил почти всю Англию, пришлось побывать и в Ирландии. Это место, откуда они отправляют свои корабли для освоения Северной Америки, – ответил Николай, вспомнив про английскую чопорность и бюрократическую тягомотину, с которой ему по поручению Иоанна Васильевича пришлось столкнуться при проверке качества английского товара и при его отгрузке.

Глаза царя загорелись от любопытства и от нетерпения разузнать обо всём побольше и поподробнее.

– Давай, садись и рассказывай мне всё по порядку, да смотри – ничего от меня не утаивай!

И Николаю пришлось рассказать всё, что он знает про корабли и кораблестроение; про литьё пушек – чугунных и медных; про технологию изготовления мушкетов и ружей. Не рассказал только про то, каким образом он попал в Англию, а также про свои долгие беседы с английской королевой да поиски убийцы её фаворита. Про всё это он, конечно, благоразумно умолчал.

Когда Николай закончил своё повествование, Пётр уже буквально весь кипел от желания увидеть и пощупать собственными руками европейское производство, корабли, технику. Самому с головой окунуться в процесс изготовления, досконально изучить все его тонкости. В его глазах даже проскользнула некая поволока зависти к человеку, который это уже всё видел и ощутил на себе. Но поволока зависти была весьма недолгой. Она моментально исчезла, как только царь вновь загорелся своей идеей осуществить масштабное посольство в Европу. Пётр Алексеевич вскочил на ноги и заметался по мастерской. Пробежав пару раз из угла в угол, он резко остановился возле Николая и порывисто произнёс:

– Понимаешь, Николай, у меня всё решено! По моему повелению люди уже готовятся к поездке в Европу! А ты только лишний раз подтвердил верность хода моей мысли! Всё, едем в Европу, и – как можно быстрее! Время уже совсем не ждёт! Будем там со всяческим усердием и рвением перени-

мать их опыт и знания на пользу родного Отечества! А как у тебя самого-то с наукой? Географию, я так чувствую, если ты по морям ходил, то как-то ещё знаешь, а вот цифирь, геометрию и другие науки изучал? – подозрительно поглядев в глаза гостя, спросил царь.

– А то, Пётр Алексеевич! И дважды два, и пятью пять тоже знаю, сколько это будет! – рассмеялся Николай.

Но Пётр Алексеевич не прореагировал на шутку гостя и тут же решил его проверить на знание дробей. С тем умыслом, что если тот дроби знает, то и с простыми числами легко справится.

– А тогда скажи мне, мил человек, если четверть с осьмушкой вместе сложить – сколько будет?

Простые дроби Николай ещё со школы не очень любил. Более привычными и удобными для него были десятичные дроби, но тем не менее вспомнил про приведение дроби к общему знаменателю и без запинки ответил:

– Три восьмых. Это даже ежу понятно!

– Кому-кому понятно? Ежу, говоришь! – рассмеялся Пётр и задорно хлопнул Николая по плечу. – Молодец, что перед царём не дрогнул да льстить мне совсем не пытаешься! А дроби у нас даже ещё не всякий князь знает! Да что там дроби – буквы и те не все молодые бояре да князя распознают. Многие только свою подпись поставить умеют. Их отцы и деды считают, что все науки от бесовских извращений ума происходят и людей в греховные искушения вводят, дабы отда-

лить сим учением народ подальше от Бога! Но нишо! Придёт время, и у нас на земле российской всяк человек, от мала до велика, будет знать и цифирь, и буквицу, и Бога! Я школы во всяких селениях понастрою! В городах академий и училища великое множество открою! Науки разовью так, что Европа нам завидовать будет! Учиться к нам будут ехать! Без науки и знаний никак нельзя нашему государству! Не будет величия у него, ежели мы науки не освоим лучше всяких самых умных заморских учёных! Понимаешь меня?

Пётр Алексеевич с горящим нетерпением во взгляде уставился на Николая, ожидая от него немедленной поддержки в своих замыслах. Николай знал, через что России нужно будет пройти, чтобы стать сильной страной в той самой Европе. Европе, которая и сейчас смотрит на русских с презрительным высокомерием, считая их тёмной, неумелой массой людей, неспособной достичь вершин цивилизации. Массе, которой лишь по какой-то несправедливой случайности достались обширные и богатейшие земли. Образованная Европа хоть сейчас не прочь поделить меж собой сей лакомый кусок, а население России обратить в рабство.

– Очень хорошо тебя понимаю, государь, потому что представляю, что может произойти с государством нашим, если нам в самые короткие сроки не удастся поднять науку, сталелитейное дело, мануфактуру; не сможем освоить добычу металлов и других полезных ископаемых. Понимаю, что произойдёт, если мы не сумеем хорошо вооружить и обучить

регулярную армию. Знаю, что если вовремя мы всё это не сделаем, то наша Россия просто исчезнет с лица Земли, её просто не станет как государства. Её съедят и не подавятся.

– Верно, по-государственному мыслишь! У нас есть лён, меха, воск – но нет выхода к морю. А без моря какая может быть торговля между странами? Есть у нас Белое море, но то большую часть года льдами сковано, а значит, и не пригодно к толковому использованию. Опять же, по северным путям далеко скандинавов огибать, дабы в ту же Европу попасть. Нужно нам Чёрное море, но там турок сильный сидит и не пускает нас. На Балтийском море – швед окреп дюже сильно. Опять же, нас не хотят пускать! Поэтому войны нам никак не избежать. Готовиться к ней нужно со всей тщательностью да с десятикратным усилием! Мне бы вытащить на свет Божий погрязших в прошлых обычаях и привычках князей да бояр, а заодно и святых отцов заставить служить на благо государству, а не усердно прибирать себе земли российские, а в это же время людей против меня смущать! Вот для этого и хочу набрать пригодных к обучению молодых людей разного сословия да отправить их на учёбу в Европу! Пускай мир посмотрят да уму-разуму получше поучатся! Ведь они дальше своего двора-то – никогда не выходили и ничего не видывали, а главное – и не хотят ведь! На учёбу мне с боем их у их же родителей отвоёвывать приходится! Я хочу им знания дать, ремеслу обучить, а они все вместе, стар и млад, гуртом на меня ополчились! Вот и приходится мне людей наших, –

для их же блага – ломать через колено, а что тут поделаешь! Другого пути, как стать сильным государством, видно, нам Богом не дадено! Мне для должного освоения наук всяческих много учёных людей надобно! Очень много! Тем, кто на государеву службу придёт, ещё и языки заморские знать потребно и как можно больше знать, дабы у них была способность постигнуть эти науки! Ты-то языки знаешь?

– Французский и английский языки для меня почти как родные, а на латыни более-менее общаться тоже могу.

– Это хорошо, но немецкий и голландский ты подучи! Зело полезно знать много языков! Значит, решено! Ты тоже непременно должен будешь со мной в Европу поехать, но вот жёнку свою ты это – дома оставить должен будешь! Понял меня?

– Это, конечно, понятно, Пётр Алексеевич, я и не возражаю вовсе! Раз надо – значит, надо. Но пока мы с моими товарищами были в Европах, то остались без крыши над головой.

– Как так, без крыши над головой? – удивился царь.

– Больно уж долго нас не было в местах родных, обетованных. Род Бельских совсем захирел, а земли наши отошли более расторопным людям.

– А где это твои земли были-то раньше, в каких краях? Сказывай!

– У моих друзей в Москве были свои большие, добротные дома, а вот моя земля под Тверью находилась. Она ещё са-

мим Иваном Васильевичем была дадена за заслуги перед государем и Отечеством.

– По твоим речам можно подумать, что сам Иоанн Васильевич лично тебе земли подарил! – рассмеялся государь.

Николай немного стушевался от проницательности ума царя, но промолчал про свои встречи с Иваном Васильевичем и произнёс:

– Сам не сам, а подарок его именно я с руки своей никогда не снимаю.

– Покажь мне его немедля! – повелел Пётр Алексеевич.

Николай снял с пальца массивный перстень, дарованный ему предыдущим владыкой земель московских Иоанном Васильевичем, и протянул нынешнему государю. Пётр Алексеевич осторожно взял его в руки, внимательно осмотрел и заметил на ободке надпись: «Дарующему благо, да воздастся честь по заслугам его!»

– Видно, что не простой сей перстень старинный, да и похож он сильно на тот, что есть у меня, только вот надпись на нём у меня другая! Сам приказал сделать мне такую.

Пётр Алексеевич посмотрел на свой перстень, который как две капли воды был похож на перстень Николая, только что камнем отличался да надписью, которая гласила: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую» и продолжил:

– Знать, действительно велики были заслуги твоих предков, коль сам Иоанн Васильевич даровал сей перстень. Носи же с честью сей дар, как символ заслуг рода своего и не до-

пусти опозорить их память.

Царь вернул Николаю обратно перстень, а тот захотел встать и поклониться государю, но Пётр Алексеевич понял его намерения, поморщился и тоном заговорщика произнёс:

– Да ладно тебе расшаркиваться передо мной! С детства не переносу все эти церемонии. Ещё с тех пор, когда нам со сводным братом Иоанном приходилось на двухместном троне сидеть, а позади у нас моя сводная сестрица Софья в специальном углублении сидела да шёпотом указывала нам: как нам на поклоны подданных и иноземцев разных отвечать надобно да какое выражение лица при этом нам с братом держать полагается! Я эти нравоучения и церемонии с того времени возненавидел до глубины души своей и всячески теперь их не приемлю! А что ты про спутников своих скажешь? Грамоте они тоже должным образом обучены? Али не ведомы им науки разные?

– Знакомы им науки, Пётр Алексеевич, и обучены хорошо! Алексей Никифорович может быть весьма полезен по военному делу. У него большой опыт и знания по организации военных действий; захвата и обороны крепостей; отлично знаком со всяким вооружением; может достойно готовить солдат и офицеров к предстоящим боевым действиям. А Андрей Яковлевич по посольскому делу зело грамотен; бывал в разных странах; чрезвычайно хорошо знаком с военным делом. Оба мои товарища весьма знающие люди в разных науках.

– Проверю, непременно их проверю, но если всё будет так, как ты мне говоришь, то это прямо дар Божий! Ведь у меня работы предстоит вельми много, а толковых и грамотных людей у меня пока ещё крайне мало! Зови их обоих немедля сюда, погляжу на них получше да потолкую о делах военных, про науки спрашиваю да по вопросам посольским проверю твоего товарища! Но учти – головой передо мной за их верность отвечать будешь!

– Не сомневайся, Петр Алексеевич, не подведём тебя!

– Только попробуйте! У меня на этот случай князь Ромодановский имеется! Быстро уму-разуму любого научит да дурь разную из головы вмиг повыбивает! Так что предавать меня да заговор чинить – никому не советую! Не обижайся, шучу я... пока! – рассмеялся царь.

Пётр Алексеевич был весьма доволен беседой с друзьями Николая. Они и впрямь оказались людьми, не только знающими науки, но и хорошо владеющими фортификационным делом, тактикой ведения боя, да и пушки и ручное оружие тоже отменно знали, а Андрей Яковлевич, вдобавок ко всему, ещё и прекрасно разбирался в тонкостях посольской службы и в вопросах ведения разведки, да к тому же знал многие языки и хитрости посольской скрытой переписки.

Друзья уже не один час говорили с царём. Как вдруг дверь комнаты без стука распахнулась, и на пороге её появился молодой человек с шустрым, цепким взглядом. Было видно по нему, что он чем-то недоволен и очень торопится. Пришед-

ший быстро оглядел гостей, оценивающе посмотрел на царя. Затем, слегка поклонившись его величеству, торопливо произнёс:

– Мин херц, я тебя уже совсем заждался на дворе, а ты всё не идёшь да не идёшь! Уже четыре часа, нам пора ехать! Ведь стемнеет уж скоро! – И подозрительно покосившись на гостей, спросил: – А это кто у тебя здесь? Что-то ранее я не встречал при тебе таких людей!

– Вот, знакомься, Алексашка! Это князь Николай Бельский и бояре Алексей Никифорович да Андрей Яковлевич на службу ко мне просят! Решил взять их! Полагаю, что сгодятся нам!

Пётр Алексеевич представил гостей и, указав на молодого человека дымящейся трубкой, с лукавой усмешкой произнёс:

– А это – Алексашка Меншиков! Камердинер мой, а попросту – денщик! Ты уж прости меня, Алексашка, с делами своими совсем забыл про нашу сегодняшнюю поездку!

– Как можно, мин херц, забывать про такое! Нас уже давно ждут во дворце у Лефорта, а люди твои совсем заждались на морозе! Благо, что шубы у них хоть есть, а то бы околели бы все прямо вусмерть!

– Ты себе представить, Алексашка, не можешь! У меня время до поездки к Лефорту ещё было вполне достаточно. Так дай, думаю, поработаю в мастерской – свой корабль попытаюсь доделать, а тут слышу какие-то голоса за дверью.

Выхожу, а там незнакомцы и говорят мне, что приехали издалека и хотят на службу ко мне устроиться! Сказались, что в Европах учились да многое чего достигнуть смогли! Я изрядно поговорил с ними и вот что скажу тебе: таких учёных людей, как эти, я доселе только в Немецкой слободе видал, и те у нас были лишь наездом. И сдаётся мне, что вот эти люди имеют познания по наукам более всяких там немцев и голландцев, что в Немецкой слободе у нас проживают. Сознаю – моих познаний в науках не хватает, чтобы всё разумно да с умом у моих новых знакомцев разузнать! Нужно будет, чтобы гости наши поговорили с Лефортом и Брюсом, а ещё лучше – в Европу с нами поехали и там с разным учёным человеком поговорили бы, а я поприисутствовал! Если, те все тоже скажут, что у них знания вполне предостаточны, – думаю, их к себе на службу великую непременно определить! Да на должности высокие назначить, чтобы довольствие было изрядное, дабы все видели полезность освоения знаний и стремились к оному! Только вот есть одна закавыка – больно они долго в этих Европах прожили, да так долго, что и без жилья да земель своих совсем остались. Представляешь, приехать домой, а крыши над головой нет?! Ушлые людишки уже увели у них земельку!

– Подумаешь! Эка невидаль, мин херц, ещё одни безземельные выискались! Сколько таких к тебе уже из Европы понаприехали, да наших ты принял на службу к себе? Ты же царь! Найди уклоняющихся от податей землевладельцев

да на дыбу их за недоимки, а землю вместе с закреплённым за ней народом – отдай полезным людям, и пусть они тогда дальше сами обустроиваются на новом месте да кормятся с земли! Мало ли вокруг тебя врагов найдётся, мин херц? Хватит им жировать, давно прошло их время, пора им уже и поделиться своим наворованным богатством, – решительным тоном произнёс Ментиков и с безразличным видом махнул рукой. – Ладно, пойдём, Пётр Алексеевич, пора нам уже! А то Лефорт, поди, нас уж заждался совсем!

– Подожди, Алексашка, ты считаешь, что уже прошло их время? – задумчиво спросил царь. – Но Софья-то ещё жива, и она в любой момент стрельцов на бунт подбить может али непотребство ещё какое иное вредное может учинить!

– Тебе виднее, Пётр Алексеевич! Ты у нас государь – тебе и думать! А мне-то почём гадать? Я же всего-то что – Алексашка. Откуда я могу знать, что на сегодня у нашей бывшей регентши в голове? Но по-любому, мин херц, она уже теперь и не царица вовсе, да и в монастыре под прочным замком сидит. Кому она теперь нужна и что она сможет нам вредного учинить? Брось ты, мин херц, об этом даже думы думать! Потом решишь, как тебе с враги своими лучше поступить да как сделать, дабы и волки наши были сыты да овцы чужие целы! Лучше переодевайся, государь, и поехали, а то эти нехристи заморские в Кокуе-слободе всё вино без нас во дворце Лефорта вылакают да еду сожрут и не подавятся, обжоры! Да ещё скажут, что так всё и было! С них станется!

Николай и его друзья вышли из дворца, и их тут же просто оглушила какофония самых различных звуков. Тут были и разноголосый рёв труб, и звонкая трель бубенчиков, и крики ярко наряженных карликов да гомон собравшейся в поход публики. И всё это – на фоне заполошного визга и хрюканья свиней, дикого рёва медведей, раздражённого лая собак. Все животные были запряжены во множество саней, а сидящая в них развесёлая публика на разные голоса, зачастую совершенно невпопад и не к месту, но в то же самое время крайне искренне и от всей души орала богохульные вирши. А впереди всего этого балагана, верхом на бочке, положенной на полозья, сидел «пресвятой отец», прозванный Петром Алексеевичем – Всешутейшим и Всепьянейшим князем-папой, а полное его звание при Всепьянейшем Соборе было – великий господин, святейший кир Ианикита, архиепископ Прешпурский и всея Яузы и всего Кокуя патриарх. Это был всем известный Никита Зотов. Эдакий хитрый пройдоха, он же думский дьяк, а ещё и заядлый пьяница, но одновременно и выборный духовный предводитель в Всешутейшем, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе. Вот такой вот винегрет. Когда-то он у молодого Петра Алексеевича выполнял роль наставника.

Импровизированное средство передвижения князя-папы было запряжено двенадцатью лысыми мужиками в рваных обносках. Самого его облачили в ризу вышитую из настоящих игральные карты, на голову ему водрузили митру из же-

сти с изображением Бахуса, а в правой руке он держал посох с Адамом и Венерой на набалдашнике. Следом за князем-папой в сутанах верхом на быках сидели и размахивали бутылками с булькающим в них вином «кардиналы его святейшества».

Бесцеремонно оттолкнув Николая в сторону, с крыльца вместе со своим верным денщиком Александром Меншиковым спустился Пётр Алексеевич. Царь уже успел переодеться в костюм голландского моряка. На нём была лишь лёгкая шерстяная курточка да треугольная шляпа. Для морозного дня весьма лёгкое одеяние, но государь был очень доволен произведённым на людей эффектом. Помахал собравшимся рукой и направился к экипажу, находившемуся в самом центре колонны. В его сани были запряжены три огромных медведя. Немного не дойдя до своего экипажа, Пётр обернулся и спросил у остолбеневшего от непривычного зрелища Николая:

– Ну, что ты там застыл, прям как истукан на погосте! Давай садись вместе со своей Марфой ко мне в сани! Пока едем, потолкуем по дороге про дела, а товарищи твои пусть определяются к кому-нибудь в сани! Пушай там потеснятся! В тесноте, да не в обиде! – зычно крикнул государь и рассмеялся.

Когда все расселись по местам, Пётр Алексеевич махнул рукой да повалился на медвежью шкуру, которая была постелена поверх сена. Завернулся в неё да радостно заулыбал-

ся. Определился он аккуратно между Николаем, который был одет в шитую серебряными нитками бархатную ферязь синего цвета, и Александром Меншиковым в простом холщовом одеянии простолюдина, поверх которого был надет овчинный зипун да прохудившийся колпак из войлока. Марфа в дорогой соболиной шубе скромно расположилась рядом с мужем. Так государь в простой одежде, полулёжа, с озорным, залихватским видом да топорщащимися от удовольствия усами и ехал, абсолютно не беря во внимание контрастирующее различие с богатым одеянием гостей, прибывших, что называется с корабля на бал, и своим видом простолюдина.

Алексей Никифорович и Андрей Яковлевич, как и Николай, были одеты в дорогие одеяния, как и положено отцу невесты и почётному гостю княжеской свадьбы. Они расположились в соседних санях, сразу за царскими. Оба уже почти двадцать пять лет прожили во времени Ивана Васильевича, и теперь им было интересно сравнить ту Москву с Москвой петровских времён. Раньше им даже в голову не приходила мысль, что когда-то удастся вырваться из временного капкана, в который они угодили по воле судьбы.

Царский кучер время от времени лихо пощёлкивал над спинами медведей кнутами да весело покрикивал на зевак, собравшихся на обочине улицы, чтобы те пошустрее убирались прочь. Животные на удары кнута отвечали недовольным рыком, распугивали неосторожных зевак, но тем не ме-

нее подчинялись ловкому кучеру и ускоряли бег.

– Ну, Николай, как тебе тут у нас в Москве? Изменилась небось, пока ты живал-поживал за морями далёкими? – с интересом полюбопытствовал царь. – Сознайся, ведь скучно тебе было в ихнем Лондоне! Ни тебе широкого размаха русской души, ни бесшабашной удали, ни веселья на весь день да до упаду! У них же вся жизнь, должно быть, основана на одной логике, всё делают с расчётом наперёд и большой для себя выгодой. Днями напролёт небось думают: кабы чего худого у них не вышло да убытку себе не учинить! А у нас, – у нас всё как раз наоборот! Народ – бесшабашный, искренний, весёлый! Все помыслы идут от порывов широкой души русской! Если мы кого любим, то любим – до самого до беспамятства, а если ненавидим, то так, что и чертям в аду будет тошно от нашей ненависти! И не дай бог кому-либо добиться этой нашей ненависти, да ещё в это время попасть нам под горячую руку! Ведь правда, Марфа?! Вот ты своего мужа любишь до беспамятства, али тебе родители любить его приказали? – усмехнулся царь и пристально посмотрел на розовощёкую молодую раскрасавицу.

Та даже поначалу и не расслышала вопроса государя. Девушка с любопытством и интересом разглядывала москвичей, которые столпились по краям улицы, чтобы подивиться на чудной царский поезд. В городе праздновали Масленицу. На площадях теснилось множество больших и маленьких лавок со всяческой снедью. Они гуртом теснились то тут, то

там. Меж людьми блуждали лотошники да кричали чуть ли не на всю первопрестольную. Каждый из них расхваливал свой товар и старался перекричать конкурентов.

– Калачи, горячие калачи с зайчатинной, рыбой, кашей, требухой. Баранки сдобные – для народа съедобные! Во рту тают – желудок набивают! Не зевай – налетай, покупай! С пылу с жару, из печи – раскупайте калачи! Покупайте, денег не жалейте, душу поскорей согрейте!

– Сколько хочешь за свои калачи? – озорно крикнул Пётр Алексеевич весело кричавшему лотошнику.

Царь уже хотел было соскочить с саней, но Меншиков упредил его желание и кубарем скатился наземь да тут же рысью метнулся к лотошнику. Быстро снял с его шеи лямку лотка, одел его на себя. Сунул растерявшемуся торговцу алтынник и, не обращая внимания на то, что тот возмущённо кричит ему вслед, побежал обратно к саням царя.

– Калачи! Горячие калачи! Кому калачи с зайчатинной и требухой? Только что по лесу скакал, да к царю на обед прибежал! – громко закричал Меншиков, наклоняясь пониже, чтобы государь мог получше разглядеть да выбрать себе самый румяный из калачей.

– Из самого лучшего сдобного теста деланы, мин херц!

Денщик старался бежать вровень с ходом саней, на которых вальяжно возлегал царь. Пётр Алексеевич весело хохотал. Ему явно понравилась забавная выходка Меншикова.

– Почём нынче твои калачи, лотошник? – спросил царь,

вытирая выступившие от смеха слёзы.

– Для тебя, мой дорогой мин херц, всё задаром отдам! – воскликнул Меншиков и споткнулся о выступавший на дороге камень, но изловчился, не уронил товар с лотка и лишь дурашливо раскланялся, делая вид, что всё так и было задумано.

– Э-э, нет! Так дело не пойдёт! – ответил Пётр Алексеевич и сунул в руку Меншикова такой же алтынник, какой прохода дал булочнику.

Зоркий глаз царя успел заметить – сколько заплатил лотошнику его ушлый камердинер. Только после уплаты он взял с лотка сразу десяток калачей и по парочке отдал Николаю и Марфе, а остальные с аппетитом стал жевать сам, не предлагая их Меншикову. А тот уже успел запрыгнуть обратно в сани, не церемонясь взял с лотка горячий калач и не торопясь жевал да по сторонам поглядывал.

– Голодные, небось? – участливо спросил у Николая царь. – Держите, жуйте, пока ещё что-то есть! А то Алексашка быстро всё сам без вас сожрёт! Скоро приедем к Лефорту, а там и выпить, и поесть вдоволь всего найдётся! А ты чего это, Алексашка, булочника-то обидел? Все пироги вместе с лотком у него за бесценок отобрал. Аль уже совсем забыл, как сам так же, как он, с лотком на шее запаренный по Москве бегал?

– Как же, такого обидишь! Он сам кого хочешь вокруг пальца обведёт! – ответил Меншиков, сидя подле царя, дожде-

вывая очередной калач.

При этом совершенно не стесняясь того, что только что обманул человека. Камердинер улыбался, показывая всем слегка почерневшие от начинающегося кариеса передние зубы.

– Тю-ю! Да у тебя же, Алексашка, никак зубы уже портиться начали! Небось жрёшь втихаря от меня в три пуза что ни попадя – вот они у тебя и портятся! Как заболят – дай мне знать. Я их тебе вмиг вырву! Охнуть не успеешь!

Царь вновь расхохотался, а верный денщик лишь болезненно поморщился, будто уже сейчас ему предстоит рвать зубы. Тут раздались крики зазывал, предлагающих залезть на обледенелый столб и достать с его макушки пару новых сапог. Кто-то уже пытается забраться наверх. Даже свои рваные поршни скинул и поставил аккурат рядом со столбом, а теперь залез до середины, а дальше пыжится-пыжится, но тщетно! Столб оказался слишком скользким, и мужик, проклиная всё на свете, под смех собравшейся толпы заскользил вниз.

На праздник люди старались надеть на себя что получше да поновее. Но по лохмотьям, которые то тут, то там мелькали в толпе, было видно, что далеко не всех в этой жизни коснулась своим крылом госпожа удача родиться в богатой семье.

Шум-гам, смех, веселье! После патриархальной Москвы Ивана Васильевича для Марфы всё происходящее вокруг

неё было одновременно и чудно, и интересно. Даже как-то немного страшновато находиться в таком большом скоплении народа. В своей прежней Москве она не так часто покидала отцовский двор, а если и покидала, то всё больше по церковным праздникам, когда всё происходило без особой суеты и шума, чинно и благородно, в семейной обстановке. На самостоятельные гуляния отец её ещё ни разу не отпускали из дома. Николай ранее пытался объяснить Марфе, что они сейчас находятся в совершенно другом времени. Девушка искренне пыталась умом понять суть вещей, но сердцем – никак не могла принять, что такое действительно возможно.

Наконец, краем уха услышав обращённый к ней повторный вопрос царя, Марфа покраснела и мельком взглянула на Николая. Муж, как и она сама, с не меньшим любопытством рассматривал Москву Петра Первого. Ведь ни в одном туристическом бюро, ни за какие деньги не сможешь приобрести путёвку по прошлому своей страны, а здесь – вот оно, пожалуйста: рассматривай, щупай, пробуй на вкус. Николай оторвался от созерцания праздничной Москвы и посмотрел на хитро улыбающегося Петра Алексеевича, а затем на скромно потупившую взор жену и ответил за неё:

– Ясное дело, что по любви! Иначе же никак, Пётр Алексеевич.

– Ну-ну, дай-то Бог, чтобы так у всех было. Хотя ведь в жизни оно по-разному бывает! Не так ли, Марфа?

Вопрос царя ещё больше обескуражил и смутил девушку,

но она ещё не успела ничего ответить, как царь, едва доживав последний калач, резво вскочил с телеги и закричал:

– Смотри, народ, слободские наших горожан на реке на кулачках бьют!

– Мин херц, ты куда это! Нас в Немецкой слободе адмирал уже давно заждались! – недоумённо всплеснул руками Меншиков и в отчаянии снял с шеи пустой лоток. – Вот так всегда! Увидит что-то и тут же загорится идеей, и пусть тогда хоть весь мир его ждёт! – огорчённо пожаловался гостям денщик царя.

Государь увидел на реке идущих стенка на стенку в кулачном бою горожан и слободчан и тут же решил присоединиться к горожанам, которые в это время как раз отступали под давлением мощного клина пришлых. Ещё немного – и стенка горожан будет прорвана. Царь подбежал и, не церемонясь, выкинул из рядов горожан самого маленького по росту бойца. На что тот обиженно засопел, забормотал чего-то себе под нос, но шибко протестовать не стал. Видимо, понял, с кем имеет дело. Не так и много найдёшь в Москве людей с таким царским ростом. Пётр Алексеевич азартно закричал, ломанулся вперёд, а верный денщик обиженно откинул лоток на землю и недовольно крикнул кучеру:

– Стой, шельмец! Не видишь, что ли: наш царь решил себя народу показать!

Развесёлая колонна царских бездельников остановилась и всей толпой повалила к реке, посмотреть на дерущихся ку-

лачным боем людей. Князь-папа попытался слезть с бочки, но, видимо, Бахус его в это время чем-то отвлек и... координация «его святейшества» подвела. Зотов с оглушительным грохотом, кубарем скатился с бочки. Растянулся на снегу подле полозьев саней и слабым, жалобным голосом стал призывать хоть кого-нибудь к себе на помощь. Только два карлика подошли к князю-папе и попытались поднять с земли его огромную тушу. После нескольких неудачных попыток они отчаялись, махнули на него рукой и бросили предводителя веселья отдыхать на снегу, а сами шустро засеменяли вслед ушедшим к реке сотоварищам по кутежу.

Остальные пассажиры шутовского поезда не обращали на него совершенно никакого внимания. Многие из них сами неуверенно стояли на ногах, но всё-таки настойчиво шли к своему государю, который в это время с азартом руководил кулачным боем.

– Давай! Навались, бей их, криворуких! – азартно кричал на реке Пётр Алексеевич, подзатыльниками подгоняя своих.

И тут же царь уже схватился с кем-то из слободских и почём зря месил того и в хвост и в гриву. Благодаря его стараниям горожане получили возможность надавить на своих соперников, и теперь каждый из них был занят важным делом: отчаянно лупил попавшегося ему под руку строптивного супротивника.

Неподалёку остановился священник в тёмной рясе. Оглядел столпившийся на реке беснующийся народ, бьющегося

на кулачках царя, валяющегося у бочки с вином «святого отца» – перекрестился, затем недовольно сплюнул наземь, резко отвернулся и пошёл прочь, про себя предавая проклятию и анафеме языческое веселье.

– Подарил же нам Бог царя! Прости меня, Господи, за слова мои грешные! Не по злобе ведь говорю. Сердце кровью обливается, глядя на свершаемые против Твоего учения непотребства. Ну ничего, мы ещё найдём управу на этого богоотступника-еретика!

Священник вздрогнул от мысли, что от нахлынувшей на него обиды заговорил вслух слишком громко, и нервно оглянулся по сторонам. Но люди не слышали произнесённого им проклятия. Народ вообще не обращал на него никакого внимания. Люди глазели на свиту царя и их дивные экипажи да громко смеялись, тыкая в животных пальцем. А кто-то из них уже побежал поглазеть на дерущегося Петра Алексеевича. Не каждый же день увидишь своего государя в кулачном бою. Царь на голову возвышался над самыми рослыми бойцами, и со стороны всё это действо выглядело так, будто бы взрослый дядька обучает подростков уличной драке. Священник с крыльца церкви еще раз взглянул на царя, на толпу зевак да на стоявших неподалёку стрельцов в красных кафтанах и тяжело вздохнул:

– Не смогли вы нашу благоверную правительницу Софью поддержать, ироды! Предали! Теперь вот – глазейте да радуйтесь на непотребства своего нового царя-батюшки! Тьфу

на вас всех, предатели! Не будет вам радости в жизни! Помните меня, когда кровавыми слезами вдоволь умываться будете!

Дверь церкви с резким стуком захлопнулась, а с валявшегося на снегу лотка, с оставшимися на нём крошками от калачей, в небо вспорхнула целая стая ворон и, нервно, громко крича, закружила над золочёным куполом церкви.

Николай, несмотря на протесты зевак, вместе со всей развесёлой компанией протиснулись в самый первый ряд. Теперь стал хорошо виден бой, а он явно уже подходил к концу. Горожане, руководимые государем, успели сильно потеснить слободчан. Несмотря на то, что тем вначале удалось разгадать маневр городских, Пётр Алексеевич втихаря приказал сменить набившую оскомину тактику, а затем быстро и жёстко зажал противника с обоих флангов, оставив им только узкий коридор для позорного побега с поля боя. Слободчане растерялись от странного манёвра царя, но всё равно пытались стойко сопротивляться. Кое-как у них получилось сдерживать яростную атаку городских не так уж и долго. Наконец всё же слободчане дрогнули, и сначала один боец, а потом другой-третий начали понемногу отступать. Горожане радостно закричали, подбадривая себя и пугая противника громким боевым кличем. Прошло ещё немного времени, и бой был окончен. Городские окончательно сломили слободчан, и те были вынуждены признать своё поражение. Но тем не менее слободские после боя ещё долго махали своему

противнику кулаками и грозились отыграться в следующем году, когда в их рядах уже не будет царя.

Пётр Алексеевич, раскрасневшийся и запыхавшийся, в немного разорванной курточке, но сильно довольный, не спеша подошёл к Меншикову. Забрал у того треуголку, одел на голову и, повернувшись к Николаю, с озорным блеском в глазах спросил:

– Не хочешь сразиться в честном бою? Ведь найдутся среди горожан бойцы, кто и «сам на сам» сейчас с удовольствием выйдут! Видел, как мы «стенка на стенку» друг друга лупили? Любо-дорого посмотреть на бой было, но моя всё-таки взяла! Мы наголову разбили слободчан, а теперь ты попробуй свою силушку! Небось в своих Англиях совсем подрастерял её?

Николай пожал плечами. Ему ещё ни разу не приходилось участвовать в кулачных боях, а оттого и их правил он не знал. В это время подбежал Меншиков и на плечи разгорячённого государя накинуд свой овчинный тулуп, но царь заметил недовольно косившегося на него низкорослого бойца, которого он ещё совсем недавно выкинул из стенки горожан да занял его место. Пётр Алексеевич скинул овчинный тулуп с плеч на снег и подозвал к себе обиженного бойца. Тот подошёл неспешным шагом и принципиально отвернулся.

– Ты пачто не смотришь на меня?! – повысил голос Пётр Алексеевич. – Подошёл к царю – не отводи взора аки подлый вор! Али и впрямь подлое что задумал супротив меня?!

– Я, Пётр Алексеевич, у тебя ничего не крал! Это ты у меня своровал моё место в бойцовой стенке! Я целых два месяца готовился сам и друзей своих к бою с слободчанами, а теперь что? Вся моя подготовка коту под хвост! Победитель теперь ты! Так што ты у меня победу украл, а значит, не я вор, а ты! – недовольно ответил боец. – У нас же всё обговорено было, и складчина у нас была! Али ты думаешь, что у меня есть лишние деньги, шобы за просто так, за здорово живёшь их отдавать?

– Ты смотри, какой он у нас гордый! Видите ли, место у него отнял! – рассмеялся Пётр Алексеевич, посмотрел на Меншикова, а затем снова на недовольно надувшегося мужичка. – А ежели ты остался бы в рядах городских бойцов, думаешь, что с твоей помощью они бы одолели слободчан?

– Да! И деньги были бы моими!

– Всё равно бы ты свои деньги проиграл! А я ни полушки не взял из вашей складчины! – теперь уже возмутился царь.

Низкорослый боец ничего не ответил, но снова отвернулся. Меншиков тут же поддержал царя смехом и словом:

– Ты с кем это споришь, недоумок! Супротив царя пошёл?! Посмотри на себя! Какой ты, а какой Пётр Алексеевич! Ты ж росточком всего – от горшка два вершка! Тебя вот ткни пальцем – ты и завалишься! Выиграть он, видишь ли, надумал! Лучше иди подобру-поздорову, пока наш царь сильно не осерчал! – закончил Меншиков, посмотрел на государя и многозначительно усмехнулся.

– Мал золотник, да дорог, а в голом поле да за высоким ку-
стом – сам знашь, што делают! – гордо ответил боец и недо-
вольно посмотрел на царёва камердинера.

– Ты посмотри – какой он у нас наглый! Да я тебя сейчас
в капусту покрошу за слова твои дерзкие и неуважительные!

Руки у Меншикова были заняты овчинным тулупом, ко-
торый он только что поднял со снега и сейчас не знал, куда
его деть, чтобы выхватить из ножен саблю. Пётр Алексеевич
удивлённо посмотрел на малорослого бойца.

– Тебя как зовут-то, храбрец?

– Васькой с утра ещё кликали! А шо?

– А ну-ка, давай, Васька, мы с тобой силой померимся,
раз ты в себе так серьёзно уверен! Кто победит – тот и прав!
Победишь меня – отплачу тебе то, что ты в складчину по-
ставил, да ещё сверху свой серебряный рубль в придачу тебе
отдам! Ну а проиграешь – тебя высекут за слова твои дерзкие
да ещё ты мне серебряный рубль будешь должен! По рукам? –
предложил Пётр Алексеевич.

– Согласен, – немного подумав, пробурчал боец.

– Тогда – сходимся, – снисходительно приказал царь и, не
сгибаясь, в открытую пошёл на соперника.

Коротышка сразу пригнулся, ловко увернулся от выстав-
ленных перед ним лапищ царя да сразу ушёл ему в ноги. За-
хватил его под колени и опрокинул на спину. Пётр Алексее-
вич отлетел в сторону и с размаху упал в глубокий сугроб.

– Ты это что, гадёныш такой, с царём самым наглым об-

разом вытворяешь! – наконец решившись и бросив тулуп на снег, зло выкрикнул Ментиков.

Теперь ему наконец-то удалось выхватить из ножен саблю и рвануть к обидчику царя. Боец же не убежал. Напротив, он покорно стоял на месте, даже слегка наклонил голову. Тем самым как бы добровольно подставляя шею под удар острой сабли царского денщика. Но тут за спиной Меншикова раздался громогласный окрик государя:

– Стой, Алексашка! Он честно бился, не смутился за правду постоять и победил! Уговор – есть уговор! Не смей его трогать!

Меншиков так с обнажённой саблей и остановился на полпути к абсолютно спокойно стоящему бойцу. Оглянулся на вылезавшего из сугроба царя, от отчаяния сплюнул и бросился помогать тому выбираться, при этом вполголоса поругиваясь:

– Ну и добрый же ты, Пётр Алексеевич! Я бы на твоём месте его бы в капусту покрошил и не задумался! Это ж надо – так царю дерзить!

– Поэтому ты и не на моём месте, а на своём, что наперёд думать не хочешь аль не можешь! Царь должен беречь свой народ, а не рубить его почём зря по всякому поводу, как капусту на засолку! И учись отличать лизоблюдов от достойных и честных людей!

Государь наконец выбрался из сугроба, небрежно отряхнулся и неторопливо подошёл к бойцу, который продолжал

скромно стоять с понурой головой. Протянул ему честно заработанный серебряный рубль и задумчиво спросил:

– Сколько в складчину поставил?

– Полтинник, – пробурчал коротышка.

– Во, держи рубль с полтиною! – весело сказал царь и повернулся к Меншикову. – Впредь мне наука будет, Алексашка. Нельзя себе людей только по росту подбирать! Умение да сноровку тоже нужно верно оценивать и тщательно проверять их, особенно, если в дальнейшем сильно понадеешься на человека.

Затем Пётр Алексеевич вновь посмотрел на гордого бойца и спросил:

– А ты, Васька, пойдёшь ко мне служить в Преображенский полк?

– А платить-то мне сколько будешь, государь?

– Во, деловой мужик! Своего нигде не упустит! – усмехнулся царь. – Двенадцать рублей в год да бесплатная чарка вина для плезира! Годится?!

– Двенадцать рублей – это, конечно, хорошо, а подумать можно?

– Думай! Кто ж тебе думать запретить может? Распорядиться твоими думами даже царь не в силах! – рассмеялся Пётр Алексеевич, а вслед ему вся его разношёрстная компания. – Ну, Николай, а ты не передумал ещё с кем-нибудь «сам на сам» побиться? Али оробел, на меня глядячи, и моего конфуза себе не желаешь? Я вон не испугался повалиться

в снегу, хоть и царь, а теперь вот стою перед тобой да только посмеиваюсь!

Николай посмотрел на государя, затем на хитроватого малорослого крепыща и согласно кивнул головой.

– Вот и ладненько! Значит, веселье наше продолжается! Кто супротив моего бойца на деньги желает биться? – громко крикнул Пётр Алексеевич и обвёл лукавым взглядом всех собравшихся любителей кулачного боя. – Вот, от меня царский серебряный рубль в общую казну!

Не каждый же день можно увидеть, как царь дерётся на равных с простолюдинами, поэтому на берегу реки собралось много горожан. Люди всё шли и шли. Кто мимо проходил; кого покликвали родственники да знакомые; зеваки всякие переходные; ну и, конечно, участники недавно закончившегося кулачного боя. Они тоже не спешили расходиться, а кто-то из них уже задумал подзаработать себе вовсе и не лишнюю для семьи денежку. Когда ещё за свой здоровый кулак сможешь получить столько денег?

– Ну, смелее! Ставлю на моего бойца к положенному мною рублю ещё один серебряный рубль! Не робей, кулачники! Выходи по-честному биться!

– Я не против, штоб подзаработать! – вызвался Василий. – Жене и детям одёжи новой понакупим, старая-то совсем уже поносилась! Теперь на тряпки только что и сгодится!

Пётр Алексеевич с удовольствием взял на себя роль судьи кулачного боя и весело спросил:

– Как биться желаете, люди добрые? «Сам на сам» али «сцеплялка-свалка»? Что вам милее по сердцу, то и будет!

– А давай, государь ты наш дорогой, пусть будет «сцеплялка-свалка»! Так победившему денег поболее достанется! – произнёс крепыш и оценивающе осмотрел Николая. – Держи, Пётр Алексеевич, мою долю. Вот тебе рупь серебром. Жёнке и детишкам берёг, да, ладно – была не была! Можя, и отыграю более, чем вложил!

– А полтину чего зажал? – улыбаясь спросил царь.

– Жёнке и детям на всякий случай приберегу. Вдруг шо не так пойдёт!

– Ты смотри, какой хитрый! Всё ж боишься проиграть?

– Не боится только дурень, а я ешо пока головою не тронулся! – пробурчал коротышка под заливистый смех Петра Алексеевича.

Народ вновь одобрительно загудел. Василий подал царю обратно его же серебряный рубль и с важным видом встал в сторонке.

– Каждый боец ставит за себя сколько может! Никого не неволю! Но думайте: чем больше денег сдадите в складчину тем больше сможет получить победитель, ибо он заберёт себе все деньги – и это будет честно! Так что у каждого из вас имеется возможность получить столько денег, сколько все вы положите в общую казну! Ну а в придачу к деньгам победитель получит ещё и славу лучшего бойца города Москвы да от меня подарок! – задорно и весело крикнул Пётр Алексее-

вич. – Выходи кто биться желает и подходи по одному ко мне с деньгами. Я сегодня буду вашим судьёй, а заодно и казну вашу хранить буду! Доверяете мне, люди?

Толпа в азарте одобрительно закричала, и к царю по одному стали подходить бойцы, желающие сегодня попытать удачу. Когда последний желающий биться внёс свой вклад в общую кассу, Пётр Алексеевич подошёл к Николаю.

– Давай и ты свою долю, гость мой любезный!

Николай снял с пояса кошель и достал оттуда английскую серебряную монету. Царь принял её, внимательно рассмотрел профиль Елизаветы II и сказал:

– Ты смотри – какая у тебя после путешествия монета в закромах твоих завалялась. Значит, видно, и вправду не врёшь, что в Англии побывал. Сейчас, помнится, у них брат Вильгельм правит, но серебро у твоей монеты доброе, примесей посторонних мало, поэтому принимается! Всё, кулачники! Деньги на ваш бой все собраны, можно начинать «сцеплялку-свалку»!

Николай отступил к Меншикову который стоял за спиной государя, и тихо спросил у него:

– А какие правила у этой самой «сцеплялки-свалки»?

– Тю! – удивлённо произнёс камердинер царя. – Так ты, видать, совсем в своих Европах одичал. Простых вещей уже совсем не помнишь? Так там те же правила, что и «сам на сам». Только тебе придётся по очереди на кулачках биться со всеми вызвавшимися кулачниками, до своей полной победы

или до полного изнеможения и поражения. И тогда тебя обязательно побьют, ну а ежели всё же устоишь супротив их усех – тогда твоё счастье! И будет тебе слава на целый год, а главное – это деньги, что в складчину собрали, все твои будут, а нет – тогда не обессудь, сам вызвался биться! Хотя разве это деньги, что в бойцовскую казну царь сейчас собрал? – фыркнул Меншиков. – Я бы за такие деньги биться никак не стал бы, а тем более, я смотрю, уже целая дюжина здоровяков, желающих супротив тебя выйти, уже поднабралась! Так что могу только тебе посочувствовать! Ох и намнут же они твои бока, князь! Чую, совсем не до веселья и праздника тебе сегодня у Лефорта будет. Ну да ладно, иди уж, заждались тебя, родимые! Во как они глазищами тебя ощупывают! Прямо жуть какая-то!

Меншиков залился смехом, а Марфа, стоявшая в толпе неподалёку от мужа, услышала объяснение камердинера царя и тихо охнула, но тут же закрыла рот ладошкой и умоляюще посмотрела на Николая. Тот молча подошёл к ней, подмигнул, потрепал за плечо, отдал кошель и шпагу да вернулся в круг.

Разыграли очередность. Для смягчения удара все бойцы надели толстые рукавицы, и пошла-поехала свалка-махалка. Первого соперника Николай одолел довольно легко. Тот попытался свалить его размашистым, лихим ударом в ухо, но – бывший опер подставил скользкий блок и нанёс запястьем ладони удар в подбородок. Соперник как пуля отлетел назад

и упал на спину, на лёд. С трудом встал на четвереньки, усиленно затряс головой. Его друзья-соперники тут же обрадовались уменьшению числа конкурентов.

– Всё, Мишка! Иди к жене домой, пусть она тебя пожалеет! – громко смеясь, кричали «доброхоты».

Поверженный боец начал было оправдываться, что, мол, случайно поскользнулся и не заметил удар, но его всё равно дружно уговорили идти домой. Каждый последующий боец мотал на ус ошибки предшественников и старался действовать более осторожно и на хитрости Николая не попадаться. Это им помогло держаться против него несколько дольше.

С одиннадцатым соперником пришлось изрядно повозиться. Прямо какой-то медведь попался. Никакие удары Николая на него будто бы и вовсе не действовали. После каждого пропущенного удара тот только упрямо мотал головой и снова шёл вперёд. Здоровый мужик, на полголовы ниже Николая ростом, но чуть ли не в два раза шире его. О таких говорят: «Косая сажень в плечах». В то же время удары здоровяка были прямо что выпущенные из пушки чугунные ядра. Мощные, аж всё тело после них сотрясалось. У Николая уже все руки были отбиты, и они нещадно болели, но поставленная на кон честь бойца была для него в тот момент превыше неприятности болевых ощущений. Он терпел боль, пытаясь уходить от ударов соперника и выматывая его постоянным движением и угрозами. Толпа недовольно улюлюкала, ибо со стороны это выглядело так, будто бы Николай уклоняется

от схватки. Но царь не вмешивался в поединок, а лишь внимательно наблюдал за действиями своего нового знакомого. Наконец помаленьку боец-гора всё-таки стал сдавать. Сказалось то, на что и рассчитывал Николай. Физическая сила зачастую даётся природой за счёт некоторой потери общей выносливости организма, если её специально не подтягиваешь до нормы.

Здоровяк начал уставать, и это стало заметно даже зрителям. Они нетерпеливо покрикивали на своего любимца, требуя, чтобы тот собрался, немедленно пошёл в атаку и добил чужака. Но их кумир стал всё чаще промахиваться, а заодно и открываться, получать неприятные удары. В конце концов он пропустил коварный удар под сердце. Николай постарался бить дозированно, чтобы не погубить такого замечательного бойца. Силач удивился странному удару, усмехнулся, сказал: «Нишшо...» – и рухнул на лёд как подкошенный. Народ заревел на здоровяка. Люди возмущались и кричали, требуя от него, чтобы тот встал и продолжил бой. Они не понимали, что на самом деле произошло. Всем им хотелось немедленно наказать чужака за то, что тот «нечестно» тянул время, но гора мышц лежала на льду реки без движения. Помаленьку галдёж затих, и народ уже стал беспокоиться о том, жив ли их лучший московский кулачный боец? Пётр Алексеевич с удивлением, подозрительно покосился на Николая и, расталкивая скопившуюся вокруг тела здоровяка публику, подошёл к нему; присел на корточки и, будто бы настоя-

щий лекарь, стал прощупывать на руке пульс своего пациента. Через некоторое время удовлетворённо кивнул головой и облегчённо произнёс:

– Жив!

– Через пять минут придёт в себя, – прокомментировал Николай.

– А ты почём это знаешь? – вновь закралось подозрение у государя, и он тихо, чтобы не слышали остальные, спросил: – Ворожкой в драке пользуешься?

– Нет, выверенной техникой смертного боя.

– Апосля меня научишь всем своим подлым хитростям, а затем и некоторых людей моих. Посмотрим, как это у тебя получится. Мне нужно крепкое войско, и всякое умение да ловкость моих солдат и офицеров на поле боя вельми может пригодиться нашему Отечеству.

Николай лишь согласно кивнул головой, а царь обратился к коротыгу-крепышу Ваське:

– Ну что, сразу сдаёшься али помучаться ещё немного желаешь?

Крепыш только ещё больше насупился и с вызовом в голосе пробасил:

– Можно трохи ящо и помучиться!

– Сам сказал. Я тебя за язык не тянул, так что потом мне не жалуйся, ежели вдруг тебя мой боец ненароком покалечит.

Крепыш лишь пожал плечами и насупившись пошёл на

Николая. Снова завязалась упорная схватка. Васька не зря всё это время простоял в сторонке и внимательно наблюдал за действиями своего будущего противника. Ему казалось, что теперь ему будет гораздо легче биться, к тому же Николай несколько притомился от только что проведённых одиннадцати боёв. Василий настоль расхрабрился, считая, что его противник уже почти полностью выдохся, что даже стал иногда пробовать применять только что увиденные, но должным образом не отработанные приёмы и, естественно, делал это весьма неуклюже.

– А ты, я смотрю, больно уж глазастый мужик, – констатировал факт сыскарь.

– А ты думаешь, што ежели мы простые мужики, а не князья какие-то, то значит, и совсем дурашки беспросветные? – с вызовом в голосе произнёс крепыш. – Научился за морем всяким премудростям бойцовским и полагаешь, что всех тут...

Резко оборвав себя на полуслове, Васька рыбкой, шустро поднырнул под руки стоящего в стойке Николая и хотел произвести ему удар снизу, «в душу», или, как сейчас бы сказали, – удар в «солнечное сплетение». Боец попытался воспользоваться преимуществом своего небольшого роста, но... Николай тут же резко опустил вниз руки, отбив предплечьями коварный удар, а заодно отвёл обе руки соперника в сторону и с разворота правым локтем нанёс свой удар в подбородок противника. Удар получился мощный. Глаза

крепыша тут же остекленели, и он как мёртвый, бревном упал на лёд. Николай даже заволновался: не убил ли он парня почём зря? Тут из толпы вдруг выскочил ещё один Васька. Абсолютная копия того, что сейчас лежал на льду. Лицо у парня потемнело, руки тряслись мелкой дрожью.

– Убили! Как есть убили моего брательника, изверги бездушные! – истерично закричал неизвестно откуда взявшийся близнец и, упав на колени, приложил ухо к груди брата.

Пётр Алексеевич, как и Николай, с тревожным чувством выжидали. Прошла томительная минута, и человек просветлел лицом.

– Не-е, живой ящо мой брательник. Сердце у него стучит, но чего это он не встаёт? – вновь встревожился брат и стал отчаянно трясти Ваську. – Вставай! Ты живой аль нет?! Поднимайся же ужо!

Голова крепыша безвольно моталась из стороны в сторону. Николай уже хотел остановить бессмысленную тряску человека, но тут Василий внезапно пришёл в себя. Открыл глаза и осипшим голосом спросил:

– Где это я?

Но заметил лицо брата и весьма удивился:

– Ты, Сенька, чаго это слёзы льёшь? Обидел тебя хто? Ты мне только скажи! Я сейчас его проучу!

Васька уже хотел подняться на ноги и снова ринуться в бой. Даже сел, но... тут его зашатало. Лихой боец ойкнул и вновь повалился на лёд.

– Всё! – удовлетворённо произнёс Пётр Алексеевич. – Твой брат сегодня больше не кулачник. Проиграл он свои денюжки, не повезло ему!

– Как же так? Он же своему хозяину восемь Рублёв как должен. Брательник обещал тому их сягодня апосля кулачного боя уже вернуть! Оттого тот его и отпустили сюды на потеху побиться. Хозяин же Ваську теперь батогами всяго избьёт до смерти, ежели тот хоть часть денег ему не отдаст! А у брата ящо и жена шибко прихворала да детей уже совсем кормить почти нечем! – со слезами на глазах зачастил Сенька. – А я же сам помочь-то ему ничем не могу! У меня целых пять Рублёв долгу накопилось, и в бою я не такой ловкий, как мой братишка!

– Молчи! – еле слышно цикнул на близнеца лежащий на льду Василий. – Сейчас вот маленько полежу, оклемаюсь, а там и решать будем: как мы с тобой дальше жить намереваемся!

В полной тишине Пётр Алексеевич молча передал Николаю его выигрыш. Получилось те самые восемь рублей, что так были нужны Василию, да ещё и с хвостиком. Никто из собравшихся не кричал здравицу победителю, не хватали его на руки и не подкидывали до небес. Николай молча забрал у царя деньги и пошёл к жене. В большинстве своём бедный народ недобро смотрел ему вслед. Ведь как же, судя по одежде богатый задавака отобрал у их бедолаги последнюю надежду откупиться от хозяина.

Николай взял у Марфы кошель, достал из него пять золотых монет и прибавил их к своему выигрышу. Затем подошёл к лежащему на льду крепышу и вложил деньги ему в руку.

– Вот возьми, Василий! От чистого сердца отдаю тебе их! Ты хороший кулачник и честно заслужил свой выигрыш. Считай, что это – мой подарок тебе за то, что достойно со мной бился!

Было видно по глазам Васьки, что ему очень нужна сейчас помощь. Сильно зажатый кулак с деньгами говорил сам за себя. Некоторое время он так и держал его сжатым, но затем протянул деньги обратно Николаю и гордо произнёс:

– Забери их себе, ты победил! Значит, это твои деньги!

– Хорошо, если ты такой гордый, то будем считать, что эти деньги тебе дали впрок за вашу с братом будущую службу в царском полку. Вы же хотите расплатиться и уйти от своего хозяина? Пётр Алексеевич вам службу в Преображенском полку предлагает, а я вас там настоящему кулачному бою научу! Тогда уж точно с вами не всякий сможет справиться!

Услышав такие слова, Пётр Алексеевич с интересом посмотрел на Николая и спросил у Васьки:

– Кто у тебя хозяин?

– Боярин Хворостин. У нас единый с братом хозяин. Он и послал меня за ним, дабы мой брательник обратно побыстрее вертался. Там коровий навоз на поля развозить надобно. Боярин уже ругается матерно, а тут с Васькой такое вот го-

ре приключилось. Я уже подумал всё – хоронить мне теперь маво братишку, а на гроб и тот у меня денег совсем нетути, – ответил за себя и за брата Сенька.

– Сейчас пойдёте в Преображенское село! Найдёте там генерала Головина – скажете, что я вас прислал, а вашему боярину я потом бумагу отпишу, что забираю я вас у него вместе с вашими семьями! Раз такие сильные – будете у меня пушкарями служить! Всё, пошли! – приказал Пётр Алексеевич, особо выделяя при этом слово «боярин». Уж, видно, очень они его достали эти «бояре да князья».

Весёлая свита царя направилась обратно к своему шутовскому поезду, по дороге воспевая хвалебную оду Николаю. Тот шёл, скромно опустив голову, а Марфа не шла, а плыла подле него и гордо поглядывала на своего суженого.

Князь-папа сладко спал у своей бочки с вином, завернувшись в толстую бобровую шубу. Проходя мимо него, царь остановился, оглядел спящего дьякона и пнул того под зад. Затем нагнулся и закричал прямо в ухо:

– Пожар! Горим! Спасайся кто может!

Мирно спавший на снегу предводитель потехи громко засопел, заворочался, неловко приподнялся на ноги и уже был готов бежать куда глаза глядят, но Пётр Алексеевич, давась от смеха, схватил его за руку, сделал строгое лицо и приказал своему окружению:

– Помогите ему, братцы, забраться обратно на бочку и поехали дальше! Впереди нас всех ждёт развесёлая ночь! Сто-

лы уже ломятся от еды и выпивки!

Через десять минут процессия снова тронулась в путь, а в Немецкой слободе генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт уже совсем заждался своих дорогих гостей.

Глава 2

Кузница кадров

Уже начинало темнеть, когда царский шутейный эскорт прибыл в Немецкую слободу. Экипажи ехали по ровным и прямым как стрела улицам, вдоль которых располагались чистенькие, опрятные дома иностранцев. Такие аккуратные домики с обязательным палисадником или небольшим садиком. Самих жителей слободы на улицах почти что не было. Они считали, что будет благоразумнее отсидеться в своих добротных жилищах, подальше от опасных зверей, которые тащили сани развесёлой, шумной компании царя. Самые храбрые из них осторожно, с опаской подглядывали через окна из-за занавесок.

Николай с любопытством наблюдал за Петром Алексеевичем, который с горящим взглядом оглядывал всё вокруг. Весь его вид свидетельствовал о том, что государю здесь действительно нравится. Царь обернулся и с азартом в голосе спросил:

- А скажи-ка мне, Николай, будет ли твой Лондон больше Кукуя?
- Смотря сколько жителей в твоём Кукуе наберётся, государь?
- Алексашка, ты здесь раньше жил у Лефорта в услуже-

нии! Сколько этих самых немцев у нас в Кукуе уже поселилось? – спросил Пётр Алексеевич у своего камердинера.

– Его светлость Лефорт утверждал, что уже сотни две тысяч человек наберётся, и не меньше того, ежели всех их считать вместе с семьями и детьми! А эти немцы из Европы к нам всё едут и едут! Как будто у нас здесь мёдом намазано! – без запинки ответил камердинер.

Пётр Алексеевич с довольным видом похлопал по плечу Меншикова и гордо произнёс:

– Что ни спроси у моего Алексашки – всё знает, ежели ему кто-то, когда-то, чего-то сказал! Даже всякую ерунду, и ту буквально на лету запоминает. Ему и записывать даже без надобности – всё помнит, бестия! Хотя сам он только что свою фамилию на бумаге поставить и умеет! Веришь, он мне иногда эту самую бумагу и заменяет тем, что запоминает всё, что я ему говорю, слово в слово! Одним словом – молодец! Запоминает, а заодно и сам кое-чему учится. Ведь никогда наперёд не знаешь какое тебе знание в жизни может пригодиться. А по сему – чем больше знаешь али какие навыки полезные освоил и ремёсла, тем лучше и тебе самому и семье твоей будет, да и немалая в том государстве польза!

– Если так, государь, то Лондон вроде твоего Кокуя будет. У тебя ещё Москва есть. Так что, Кокуй и Москва вместе по числу жителей с английским главным городом может и потягаться! А так в Европе очень много городов гораздо меньше Кукуя будут, – ответил Николай.

– Во! Слыхал, Алексашка! В Европе в их самых больших и важных городах жителей не больше нашего Кукуя, а учиться всяким наукам нам приходится к ним ездить! Никуда такое не годится! Непорядок это! Надо нам сделать так, чтобы Европа к нам учиться ездила, а не мы к ней с поклоном да просьбами всякими ползли!

Пётр Алексеевич хотел ещё что-то сказать, но тут загрохотали выстрелы, и всё небо над Немецкой слободой озарили вспышки фейерверка. Огненные всполохи разрывались в начинавшем темнеть небосводе и ярким светом освещали восхищённое лицо царя. Внезапно к грохоту канонады присоединился рёв испугавшихся животных. Запряжённые в экипаж шутовского кортежа звери просто сходили с ума: визжали свиньи, лаяли собаки, ревели медведи в царской упряжке. С каждым выстрелом нервозность зверей всё возрастала и возрастала. Царский кучер с огромным трудом криками и кнутом пытался удержать мощные порывы медведей вырваться на свободу. Животные хотели убежать, чтобы спрятаться подальше в лесу от этого бедлама. Наконец прозвучал завершающий аккорд салюта в честь прибытия в Немецкую слободу царской особы. Он оказался самым сильным и зрелищным. На фоне самых ярких звёзд, сумевших проступить на фоне ещё достаточно светлого неба, появился пылающий вензель Петра Алексеевича в виде буквы «П». По замыслу организатора он символизировал его власть над раскинувшимися под небесами московскими землями. Государь ни-

сколько не обращал внимания на рёв ошалевших животных. Он любовался красотой и мощностью фейерверка. Для него самым важным было умение и чёткая слаженность действия пушкарей при проведении залпов орудий и запуске ракет.

– Молодец, сукин сын, Лефорт! Красотища-то какая! Награжу его! Непременно награжу! – восторженно закричал государь.

Прямо в санях вскочил на ноги и гордо оглядел собравшуюся толпу людей. В это время где-то совсем рядом раздался ещё один оглушительный залп. Царские сани резко рванули с места. Кучер попытался удержать перепуганных медведей, но теперь уже тщетно. Звери оказались совершенно неуправляемы. Они понеслись по улицам, волоча за собой сани с государем. Расхрабрившиеся жители слободы, рискнувшие показаться на глаза царственной особе и посмотреть на красивый фейерверк, с громкими криками испуганно прятались по домам.

Пётр Алексеевич потерял равновесие и завалился на сани поверх Меншикова. Тот заполошно заорал. То ли мощные царские тела поломали ему там что-то, то ли что-то защемили, но казалось, что вопли денщика перекрывали рёв медведей, те от обуявшего их не на шутку страха понеслись ещё быстрее. Николай тоже потерял равновесие и повалился рядом с Марфой. Лицо девушки было блее мела от ужаса, но она старалась держаться и, когда Николай упал подле неё, только легонько пискнула.

– Лежи и не вставай! – прокричал Николай и на четвереньках рванул к облучку кучера.

Того уже в санях не было. Лишь где-то далеко позади раздавался его испуганный крик. Благоразумный кучер посчитал, что для него будет лучше, если он не станет проявлять никчемный героизм, а просто свалится в первый попавшийся сугроб. Своя шкура для него всё-таки оказалась ближе к телу. Тут уж не до жиру, а быть бы живу и совершенно не до спасения царя!

Николай тем временем подхватил свободно болтающиеся вожжи и попытался остановить взбесившихся медведей. Да куда там! Сил не хватало. Медведи несли как ошалелые напролом: через кустарники, овраги, при этом абсолютно не разбирая перед собой дороги. В любую секунду сани могли опрокинуться или их могло занести на крутом повороте да крепко ударить как о придорожный камень, так и об угол любого попавшегося на пути дома. Нужно было во что бы то ни стало что-то предпринять, и незамедлительно. Решение к Николаю пришло тут же. Если у пациента болит зуб, то у него удаляют именно зуб, а не всю челюсть. Сыскарь пошарил рукой в сене под облучком – и не просчитался. Запасливый кучер всегда при себе имеет средства для починки внезапно сломавшейся телеги или саней. Да и от лихого человека оборониться ими сподручно. Нащупав холодный металл да деревянную рукоять, Николай вытащил острый топор и тут же стал рубить кожаную упряжь, в которую были запря-

жены взбесившиеся медведи. Кожа легко поддавалась. В разные стороны полетели её ошмётки, но это не помогло решить проблему. Оставалась ещё упряжь на шее медведей, а подобраться к ней поближе было затруднительно. Звери продолжали тянуть за собой сани. Их теперь стало ещё больше подбрасывать на неровностях дороги, кидать из стороны в сторону. Казалось, ещё мгновение – и гибель экипажа уже была бы просто неминуема. Тогда Николай решил рубить оглобли. Не с первого раза, но всё же ему удалось приноровиться; и с третьей или пятой попытки, но всё же перерубил их. Медведи наконец вырвались на свободу, да так и поволокли за собой обрубок оглобли. Николай для пущей остротки ещё громко крикнул им вслед и замахнулся топором на оглянувшихся зверей. Те побежали ещё шустрее и уже более не оглядывались. Лихо пересекли по льду реку да, ломая попадавшиеся на пути кустарники, бежали, пока не скрылись в густом лесу из виду.

Сани по инерции ещё некоторое время катились под гору, но наконец-то замерли у самой кромки крутого обрыва. Прямо над рекой. Ещё немного – и они могли бы опрокинуться вниз, а дальше через острые камни летели бы прямо в реку на ненадёжный лёд. Остался ли Пётр Алексеевич жив, если бы сани вовремя не остановились, – никому не известно.

Николай вытер свободной рукой со лба пот, выступивший то ли от такой шальной мысли, то ли – от суеты и волнения, да так, с топором в руке, и обернулся с покрасневшим ли-

цом к лежащему в санях царю. Петр Алексеевич, увидев Николая с занесённым над собой топором, мгновенно изменился в лице. Ему показалось, что стрелец занёс над ним огромный бердыш. Кровь отхлынула от лица государя, оно стало абсолютно белым; губы сжались в узкую полоску, и царь задрожал всем телом противной, мелкой дрожью. Сознанием вновь овладели жуткие детские картины воспоминаний о кровавом стрельецком бунте, о жестокой расправе обезумевшей толпы над безоружными людьми.

В тот день разъярённые стрельцы сбросили на колья Матвеева и Долгорукова-младшего, а затем ошалевшая от вида крови толпа ворвалась в Кремль и стала убивать всех, кто был так или иначе связан с семьёй Нарышкиных. Поэтому, кроме самих Нарышкиных, были убиты: Долгорукий, Ромодановский, Черкасский, Салтыков, Языков и многие другие бояре. В тот день в Кремле человеческая кровь лилась рекой. Поговаривали, что после этих трагических событий долго ещё по ночам в палатах Кремля были слышны стон и плач людской. Тогда-то у самого Петра Алексеевича жизнь висела на тонкой, совсем слабенькой ниточке, и лишь провидение спасло его самого и мать от неминуемой гибели.

Меншиков, не раздумывая, тут же всем телом прижал собой государя к саням, не давая ему вырваться. Одновременно он стал беспрестанно гладить его по голове да что-то тихо нашёптывать на ухо. Николай растерялся. Денщик поднял голову, зло посмотрел на него и грозно цыкнул:

– Топор спрячь, дурак!

Сыскарь понял свою оплошность и быстро запрятал топор обратно в сено под облучок. Затем беспомощно оглянулся на Меншикова. Тот всё ещё успокаивал царя. Но тут неожиданно послышались приближающийся топот копыт, лошадиное фырканье да громкое гиканье наездников. Из-за поворота улицы выскочила кавалькада вооружённых пистолями всадников. Николай насторожился и быстро потянулся за пистолетом, который, как всегда, находился у него в кобуре, под левой рукой. Вспомнил, что мог применить оружие против медведей, но решил, что всё сделал правильно. Ибо раненый зверь намного хуже испуганного и непредсказуем в поведении, а промахнуться при такой тряске и суете было проще простого. Да и дикий зверь не виновен в человеческой дурости.

Меншиков недовольно обернулся и увидел приближающегося верхом «турецкого султана» в расшитом золотом халате и чалме с пером жар-птицы да в окружении свиты, с пистолей в руке. Камердинер тут же просиял лицом. Приподнял голову царю и указал на многочисленную кавалькаду.

– А вот, мой дорогой мин херц, и сам адмирал Лефорт со своей свитой к нам на подмогу пожаловал!

– Как там царь?! – взволнованно воскликнул подъехавший «султан» и ловко спрыгнул с лошади на землю.

Затем, всем видом показывая озабоченность, поспешно подбежал к царским саням, упал перед государем прямо в снег на колени и умоляюще произнёс:

– Не вели меня казнить, Пётр Алексеевич! Ради твоей потехи всё организовал! Удивить тебя очень хотел самым лучшим фейерверком, да один из пушкарей мал-мал перестарался и от излишнего волнения слишком пальнул не ко времени, а за ним с дуру и остальные палить начали! Я, как только понял, что случилось, так тут же к тебе на выручку бросился! Никак не хотел я тебя подвести, мой любимый владыка! Это только лишь неловкая конфузия, мой государь! Все мои думы были исключительно о том, чтобы только лишь обрадовать тебя. Я ведь знаю, что ты безумно любишь огненные забавы! А всех пушкарей я непременно накажу по всей строгости! Будь уверен: каждый из них получит по пятьдесят ударов плетью, а хочешь – я вообще велю их всех казнить к чёртовой матери!

Приступ у Петра Алексеевича уже закончился. Он недоверчиво оглянулся по сторонам. Увидел лицо растерянного Николая и стал внимательно всматриваться в его глаза. Долго молчал, что-то обдумывая. Меншиков боялся, что царя вновь может одолеть нервный приступ, но он внезапно заразительно рассмеялся и повернулся к Лефорту.

– Высеки пушкарей хорошенько плетьюми, но не убивай и не калечь! На их обучение деньги из казны были немалые потрачены, а хорошо обученные люди нам ещё пригодятся в будущих военных компаниях! – приказал Пётр Алексеевич и повернулся к Николаю. – Вот, познакомься, Лефорт! Перед тобой прямо на санях стоит лучший кулачный боец Москвы,

а теперь ещё и мой спаситель! Его зовут Николай... Как твоего батюшку-то звали, царский спаситель?

– Все Иваном кликали, – скромно опутив голову, ответил Николай.

– Значит, ты будешь Николаем Ивановичем Бельским! Прощу тебя, Франц, сего человека любить и жаловать всеми соответствующими почестями, как государева спасителя! Думаю, что ты с ним подружишься! Кстати, он и на твоём французском языке умеет хорошо изъясняться. Можешь при случае проверить его познания в языках!

Пётр Алексеевич уже совсем пришёл в себя. Будто бы и не было приступа тяжёлого недуга. Он весело оглядывался по сторонам, улыбаясь слез с саней. Подошёл к краю обрыва, заглянул вниз. До реки было сажень шесть, да весь берег внизу был усыпан торчащими из снега острыми камнями. Лишь следы убежавших прочь медведей вели на противоположный берег реки, в густой лес. Царь удивлённо присвистнул. После чего повернулся к продолжающему стоять в санях Николаю. Подошёл, крепко схватил и легко приподнял почти стокилограммовую тушу сыскаря с саней, а затем поставил перед собой на землю да трижды смачно расцеловал. Снова рассмеялся, озорно ткнул кулаком в грудь спасителю и произнёс:

– Теперь по моему указу неотлучно будешь подле меня, а в подарок за храбрость твою и моё спасение отпишу тебе деревню подле Москвы вместо той, что твой род потерял, а

в самой Москве – справный дом тебе подыщу!

Царь оглянулся на всё ещё сидевшую в санях Марфу. Она уже отошла от страха. Щёки вновь заалели, указывая на молодость и здоровье.

– А что, хороша у тебя девка! Если бы не твоя была да ты был бы не мой спаситель, может, даже и отбил бы её у тебя!

От таких слов Марфа засмузилась, покраснела и скромно опустила голову. Она не смела посмотреть в сторону молодого царя.

– Во, какая скромница! Сразу видно: русская! Немки – они не такие! Стыда в них гораздо менее нашего!

Пётр Алексеевич громко рассмеялся, а когда он замолк, за его спиной внезапно раздался надменный женский голос с нотками недовольства:

– А какие они – эти немки, ваше величество?

Этот голос был прекрасно знаком государю.

Он резко обернулся, но сразу не смог определить, от кого он идёт. Верховом на лошадях сидели одни солдаты. Зазвучал залиvistый смех, и только тогда государь обратил внимание на сидящего позади всех верхом на лошади молодого всадника в длинной накидке. Не по размеру шапка надвинута на самые глаза. Всадник медленно развязал завязку на тонкой шее, и плащ из грубой ткани соскользнул на снег. Вслед за ним на снег полетела чёрная треуголка. Теперь всем стало хорошо видно, что перед ним верхом на лошади сидит не солдат, а молодая дама. Она была не по сезону легко оде-

та. В ярко-красном шёлковом платье с зауженной талией и с весьма фривольным, глубоким декольте. Царь засмотрелся на белоснежный блеск шёлка кожи улыбающейся девицы. Она весьма хорошо смотрелась в ярком свете луны. Девица громко засмеялась и протянула царю правую руку предлагая тем самым помочь ей слезть с лошади. Пётр Алексеевич бегом подскочил к даме.

– Здравствуй, Анна! Никак не ожидал тебя здесь встретить! А ты прекрасно выглядишь верхом на лошади, прямо как амазонка с заморской картины.

Пётр Алексеевич словно пушинку подхватил девушку с лошади и поставил её перед собой. Внимательно оглядел, прижал к себе и страстно расцеловал.

– Ты думаешь, что я брошу своего большого русского медведя? – томным голосом произнесла красавица, не делая попыток вырваться из крепких рук государя.

Она слегка повернула голову и вызывающе посмотрела на незнакомку, сидящую в санях. Пётр Алексеевич отследил направление её взора. Марфа в это время с любопытством разглядывала обнимающуюся пару. Для неё это было в диковинку. В Москве Иоанна Васильевича за такое прилюдное, безнравственное деяние можно было бы дорого поплатиться.

– Кто это? – надменно спросила Анна, указав недовольным взглядом на продолжающую в присутствии царя сидеть в санях девушку.

– Да так, не обращай внимания. Жена одного из моих но-

вых слуг! – пожал плечами царь и ещё крепче сжал в своих объятиях всадницу. – Представляешь, ему сегодня удалось спасти мою жизнь! А я ведь мог до тебя и не доехать!

Анна лишь глухо ойкнула да недовольно посмотрела на государя. Затем отстранилась и фыркнула:

– Ты мне делаешь больно, русский медведь!

Тут подъехала карета, установленная на полозья, покрытая лаком и богато отделанная золотом. На её двери красовался золочёный вензель Лефорта. Владелец кареты, опережая своего кучера, стрелой метнулся к двери, открыл её и – широким жестом пригласил государя сесть на мягкие, ярко-красные бархатные сиденья:

– Прошу, мой государь! Во дворце уже всё готово к встрече!

Пётр Алексеевич взял под руку Анну и не торопясь повёл её к карете. Та в это время сравнивала оттенок цвета обивки сидений в карете с цветом своего наряда. Оттенки совпали идеально, и дама удовлетворённо улыбнулась. Она хорошо помнила, с кем каталась в этой карете и почему цвет обивки так подходит к её платью.

Проходя мимо Лефорта, царь приостановился и сурово посмотрел на своего фаворита. Отчего тот стал белее недавно выпавшего снега. Наступила полная тишина. Казалось, что даже шумящий в вершинах елей ветер смолк. Пару минут царь сурово смотрел на адмирала, с которым ещё совсем недавно вместе отбивал у турок крепость Азов. Но вдруг

громко рассмеялся, отпустил руку Анны и схватил в объятия Лефорта.

– А всё-таки порадовал ты меня своим фейерверком, дружище! От души порадовал! Умеют же европейские черти праздники красиво оформлять! А у нас сегодня Масленица, а значит, и праздник для Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора! Посему всех приглашаю принять самое непосредственное участие в торжествах! Приказываю пить, веселиться и радоваться всем! Кого замечу в неискренности отмечания нашего праздника – будет лично мною наказан штрафной из «Двуглавого Орла»!

Пётр Алексеевич задорно рассмеялся и внимательно оглядел своих соратников. Те понимающе заулыбались. Они прекрасно знали объём сего царского штрафного сосуда.

– Прости ещё раз, государь, что своим фейерверком твоих зверей распугал! – низко склонившись в поклоне, произнёс Лефорт. – Сейчас же прикажу немедленно сыскать твоих сбежавших медведей и вернуть их тебе!

– Что дикие звери, мой дорогой Франц! Главное – это чтобы мои люди в трудный для меня момент зверьми не оказались. Не трусили да не сбежали бы от меня, а тем паче – не впились бы мне зубами в горло со звериной злобою и не разорвали бы на части!

Пётр Алексеевич резко сменил выражение лица. Он перестал улыбаться и с суровым видом осмотрел собравшихся. Никто не посмел и слово молвить в своё оправдание.

Все лишь склонили в почтении головы, давая понять царю, что они в полной его власти. Анна сразу же отвела взгляд в сторону, будто бы и не расслышала речь царя. Она стала рассматривать растущую на берегу реки высоченную ель. Там кукушка пристраивалась в чьём-то заброшенном гнезде. Немка усмехнулась, посмотрела в глаза царя и – поспешно сделала глубокий реверанс, будто бы ненароком показывая тому выступающие из декольте округлые груди. Усы Петра Алексеевича тут же затопорщились, и он оглянулся. Но никто, кроме него, не смотрел на выставленные напоказ прелести Анны. Его свита продолжала стоять, почтено склонив головы. Царь довольно крикнул и приказал:

– Едем во дворец! Гулять сегодня будем до упаду! Как-никак, а у нас праздник Всепьянейшего Собора!

Посадив Анну в карету и уже поставив ногу на ступеньку, он спохватился и дёрнул за рукав направившегося к лошади Лефорта:

– Как остальные мои люди? Все живы?

– С остальными твоими людьми ничего страшного не произошло, Пётр Алексеевич. Думаю, что сейчас они уже все во дворце. В отличие от твоей упряжки, их «скакуны» были не столь ретивы, как твои, и далеко убежать не успели. Мои люди поймали их всех.

Пока царь замешкался, Меншиков уже успел протиснуться в карету и теперь с довольным видом выглядывал в открытую дверь и тайком показывал Николаю язык. В нём взыг-

рало чувство собственника на право быть первым подле государя. Теперь он таким образом показывал конкуренту на свой высокий статус и на то, что хоть Николай и князь, но ему ещё очень далеко до истинной власти царского камердинера.

Лефорт распорядился отдать Николаю лошадь, на которой приехала Анна. А сам в качестве десятника царского эскорта ускакал вместе с государем, оставив сыскарю для сопровождения одного из своих солдат.

Лошадь у Николая была лишь одна, и пришлось посадить Марфу перед собой. Девушка робела. Она первый раз в жизни ехала подобным образом, но её одновременно распирало от чувства гордости, что именно её муж оказался вновь столь ловким и спас жизнь не только её, но и царя. В этом странном путешествии многое для неё было удивительным и впервые.

Путь на лошадях оказался не столь долгим, и вскоре они уже подъезжали ко дворцу адмирала Лефорта. Это было весьма помпезное сооружение, хотя ещё и не вполне достроенное до конца. Архитектор наметил целый комплекс строений, уникальный для всей Москвы, ибо построены они были в новом европейском стиле, что для России того времени являлось ещё великой редкостью. Многие горожане приходили в Немецкую слободу, чтобы увидеть своими глазами это архитектурное чудо, в котором жил один из самых богатых фаворитов царя. Он был швейцарцем по происхождению, а именно – Женева была тем городом, где родился сей

амбициозный человек, имевший великую тягу к авантюрному стилю жизни, а также – к роскоши и ко всему прекрасному, начиная с женского пола и заканчивая дорогими вещами. Ну и, конечно, он безумно любил дворцы. Именно он познакомил Петра Алексеевича с Анной Моне, дочкой простого немецкого винодела. Девушкой весьма богатой внешними данными, но из низов. Что тем не менее не мешало ей довольно прохладно относиться к притязаниям государя, а вместе с тем управлять им. Она уступала Петру Алексеичу и одновременно оставалась для него недоступной. Царя это и расстраивало, и в то же самое время неистово заводило. Он не отпускал её от себя, хотя ему и передавали ползущие по городу сплетни про его немецкую пассию. Горожане шушукались, что она, дескать, околдовала царя, тем самым отвадив того от настоящей жены, и отвернула государя от исконно русских обычаев и главное – от веры православной. Люди считали, что оттого Петр Алексеевич и глумится над священниками всякими несуразными выходками, хотя на деле причина сего поведения Петра Алексеевича крылась совсем в другом. Несмотря на все разговоры, государю хотелось безмятежно верить, что эта женщина его всё-таки любит. Но кто из мужчин может сказать, что он до конца понял свою женщину? Если вы себя считаете таковым, то трижды подумайте, прежде чем об этом ей заявить. Поговаривают, что Анна Моне, до того как стать первой фрейлиной царя, имела весьма тесную связь с Лефортом.

Что сейчас на самом деле в это мгновение происходило в очаровательной головке Анны – никто не знал. Но когда Николай с Марфой вошли в приёмный зал, то увидели её сидящей за столом подле царя, который был в одежде голландского моряка, а в противоположность простому виду государя его избранница была одета в дорогое платье и с короной на голове, украшенной настоящими бриллиантами.

В зале творился самый настоящий балаган. Бегали и кувыркались с бубенцами в руках клоуны; отпускали остроты шуты; прямо по столу, между тарелками и бокалами, расхаживали карлики и подливали всем участникам Всешутейного, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора вино из сосудов, напоминавших огромные фаллосы. Николай немного смутился и посмотрел на Марфу, у которой вновь зарделись щёки, и она стала усердно разглядывать мозаичный пол, который, как и весь дворец Лефорта, был просто великолепен. Что Николая ещё больше удивляло, так это то, что царь сидел вместе со всеми, а во главе стола находился человек, который в весёлом царском поезде ехал верхом на бочке с вином. Он сидел на троне, который возвышался над всеми сидящими за столом. В ризе и митре с Бахусом. В одной руке посох с Адамом и Венерой, а в другой – полная вина огромная чаша с тем самым «Двуглавым Орлом». Князь-папа время от времени потягивал из чаши вино. А подле «его святейшества» стояла бочка с вином. Та самая, на которой духовный пастор Всепьянейшего Собора приехал на праздник.

Карлики регулярно подходили к бочке и наполняли вином стеклянный «мужской сосуд», из которого затем разливали живительное зелье собравшимся за столом. Друзья Николая сидели аккуратно напротив царя и его «царицы» и о чём-то беседовали. Тесть помахал Николаю рукой и хотел предложить ему и Марфе расположиться рядом с ними, но, посмотрев на встающего с кресла царя, передумал.

– А, наконец-то, пришёл, мой спаситель?! – громко, чтобы заглушить невероятный шум-гам, прокричал из глубины необъятного зала Пётр Алексеевич. – Давай, проходи, не стесняйся и садись подле меня, по правую руку! Алексашка сегодня у нас не гордый – может и подвинуться! Не каждый же день ему подле меня сидеть да из моей чаши вино приворовывать!

Меншиков обиженно заворчал. Стал оправдываться, что он, мол, вино вовсе и не ворует. Но, несмотря на ворчание, всё-таки пересел и уступил место не только для Николая, но и для Марфы. Проходя мимо него, Николай шёпотом спросил, указывая глазами на Анну:

– Она что, настоящая царица?

– «Кокуйская царица»! – также шёпотом ответил Меншиков и, отвернувшись, усмехнулся.

Николай не стал переспрашивать: что значит – «Кокуйская царица»? Его отвлекли карлики. Они уже успели принести ему с Марфой здоровенные бокалы, а теперь со смехом да с прибаутками наливали им вино из своеобразного сосу-

да. Когда бокал до краёв наполнился, Николай встал со своего места, с бокалом в руке, и посмотрел на Петра Алексеевича. Тот во все тридцать два зуба улыбался, глядя на стеснительный вид Марфы, которая подозрительно косилась на стеклянный «фаллос», из которого карлик доливал ей вино.

– Не бойся, красавица! Эта штукавина не заразная! Так что пей до дна! У нас не принято оставлять недопитое вино в бокалах! Посмотри на штрафную с двуглавым орлом в руке князя-папы и трижды подумай, прежде чем отставлять бокал!

При упоминании о красавице сидящая рядом с ним Анна громко фыркнула, а царь на то лишь непринуждённо рассмеялся. Собравшиеся в зале дружно подхватили смех своего повелителя. «Кокуйская царица» обиженно отвернулась, а Пётр Алексеевич примирительно погладил её по руке, но та лишь нервно отдернула её.

– Тихо, благородные мои братья, члены Всешутейного, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора! Не видите, что ли: человек слово нам сказать хочет! – прервал их Пётр Алексеевич, громко стуча по опустевшему бокалу из венецианского стекла обглоданной куриной костью.

Николай набрал полную грудь воздуха, плавно выдохнул его и произнёс:

– Действительно, государь, хочу тебе сказать...

Пётр Алексеевич прервал его на полуслове и, подняв палец правой руки, назидательно произнёс:

– Ты у нас человек новый, а поэтому все наши обычаи ещё твёрдо не знаешь, и на первый раз тебя прощаем за твои необдуманые словеса, но за следующие ошибки будешь у нас пить «штрафные»! Так вот, Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор – это наше маленькое государство. Есть у нас свой «патриарх», он же «князь-папа» – это Зотов Никита Моисеевич. Есть и «пресветлое царское величие», это – Ромодановский Фёдор Юрьевич. Он у нас «князь-ксендз», а я здесь всего лишь скромный протодьякон, и только! Так что, ежели с какой высокой просьбой решил к Собору обратиться, то прошу к «его святейшеству» али «государю нашему» обращаться.

На «троне» пьяно икнул и гордо посмотрел на Николая «его святейшество» «князь-папа».

– А заодно, да будет тебе известно, что Ромодановский Фёдор Юрьевич в нашем Преображенском полку главой розыскных дел служит. Так что теперь это твой глава. Слушайся его указов, аки моих собственных! Будешь под его рукой, но под моей командой! – весело рассмеялся Пётр Алексеевич.

На Николая с полным бокалом в руке да с хитрой улыбкой на устах посмотрел «князь-ксендз» – весьма крепкий на вид мужчина, в телесах да тёмном одеянии.

– Не дай тебе Бахус прогневить его «пресветлое царское величие», – продолжил Пётр Алексеевич. – Будешь наказан так, что неизвестно, когда ещё очухаешься и в себя придёшь.

А я здесь, как и ты, всего лишь ничтожный холоп среди этих высочайших и достойных всяких почестей, чинов и званий членов Собора. Так что будь смирен и прими свою долю с должным достоинством, а Собор присмотрит за тобой и твоими деяниями и оценит их, как тому должно быть, а затем уже решит: достоин ли ты быть принятым во Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор или нет! Ведь я правильно объяснил новичку наши уложения, «святейший патриарх»?

Человек на «троне» одобряюще икнул и, обессилив от борьбы с Бахусом, уронил голову на грудь. Пётр Алексеевич сделал смиренное лицо, встал из-за стола и низко поклонился в сторону уснувшего «патриарха». Как тот умудрялся сидя спать на высоком «троне» и не упасть с него да в то же самое время держать нерасплёсканным «Двуглавого Орла» посох – для Николая было настоящей загадкой. Видимо, сказывался весьма большой опыт сего человека в деле борьбы с Ивашкой Хмельницким.

Царь так и простоял чуть ли не целую минуту с низко опущенной головой в сторону «святого отца». Николай уже было подумал, что Пётр Алексеевич тоже уснул. Оглянулся, но никто в зале не обращал на них никакого внимания. Все пили вино из «особых» сосудов и ели не менее загадочную пищу с серебряных тарелок. Марфа брезгливо ковырялась в своей порции. Николай же мучился загадкой: то ли дальше стоять, то ли садиться? Он уже хотел спросить об этом Мен-

шикова, который спорил с соседом по поводу цены на молодого арабского скакуна, но тут Пётр Алексеевич внезапно ожил и посмотрел на продолжающего стоять на ногах сыскаря.

– Садись, Николай, и выпей за здоровье всех здесь присутствующих, за успех нашего общего дела и за нашу удачную поездку в Европу! Мы скоро отбываем, а это наш прощальный Собор перед дальней дорогой!

В это время зазвучала плавная восточная музыка, открылись боковые двери, и из них вышел хозяин дворца в том же самом наряде турецкого султана. За ним, на шаг отставая, по бокам шли две девушки в восточных одеждах. Их лица скрывала чёрная шёлковая чадра, обшитая тонкой серебряной нитью, а тела прикрывали лишь полупрозрачные шаровары да коротенькие курточки из того же материала. Девицы не сильно скрывали от окружающих свои округлости и даже оставили поджарые, обнажённые животы на всеобщее обозрение. На некотором отдалении от них семенил слуга в турецком колпаке с кисточкой и с толстым ковром, который он нёс на плече. Дойдя до середины зала, Лефорт остановился. То же самое сделали и девицы, а слуга быстро развернул ковёр позади своего господина. Лефорт с важным видом сел на него, по-турецки скрестил ноги, а слуга засеменял обратно и вскоре скрылся за тёмно-синей занавеской, на которой серебряными нитями были вышиты луна и звёзды. Девицы встали по бокам у Лефорта. Тот вытащил из-за пазухи халата

тоненькую дудочку. Приложился к ней губами, и под сводами зала полилась воистину нежная райская восточная мелодия. Танцовщицы, повинувшись аккордам, выгибали свои тела, заводя мужскую часть зала. Собравшиеся за столами смолкли, зачарованно глядя на девушек.

Только сейчас Николай обратил внимание, что в глубине зала есть ещё один стол, за которым сидели «монахини» в тёмных одеяниях. Для них карлики тоже разливали вино из сосуда хитрой формы, но по всему было видно, что монахинь это нисколько не смущает. Они были весьма довольны и веселы. Смеялись, шумно переговаривались и часто указывали на стол, где сидели мужчины.

А музыка тем временем продолжалась и становилась всё темпераментней и темпераментней. Танцовщицы уже без стеснения извивались вокруг невозмутимо сидящего Лефорта. Наконец, темп дошёл до пика. Внезапно Пётр Алексеевич вскочил из-за стола и, бросив свою «Кокуйскую царицу», подбежал к одной из танцовщиц. Она была подобна невесомой кукле-игрушке перед великаном-медведем. Царь подхватил её на руки и легко закружился вместе с нею по залу.

– Танцевать всем! – приказал он, всё теснее прижимая к себе танцовщицу.

Пьяные слуги Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора попытались встать из-за стола. У кого-то это получилось, а у кого-то ноги никак не хотели по-

виноваться приказам головы и они так и остались сидеть за столом. Царь продолжал кружить с танцовщицей на руках, одновременно внимательно наблюдая за танцевальными по-тугами своей свиты.

– Кто не танцевал, тому по «штрафному»! – крикнул Пётр Алексеевич.

Карлики с довольными физиономиями спешили исполнить волю государя, а Николай тем временем как умел танцевал с Марфой и размышлял: «Так кто здесь всё-таки главный в этом Соборе? Спящий на троне «князь-папа», приплясывающий с «монахиней» «князь-кесарь», или всё-таки царь лукавит и главный в этом сонме самых великих обжор, пьяниц и балагуров несомненно был он сам, несмотря на все его отрицания. Только вот для чего ему весь этот балаган?»

Музыка внезапно оборвалась, и добрая половина танцующих в изнеможении упала на пол. Пётр Алексеевич с восторгом и изумлением посмотрел на Лефорта. Поставил на пол танцовщицу и бросился расцеловывать сидящего на расшитом золотыми нитями толстом персидском ковре адмирала.

– А я и не знал, Франц, что ты умеешь на дудке так замечательно играть! Аж иногда за сердце дюже хватала твоя игра! Ноги прямо сами в пляс шли! Дай я тебя ещё раз расцелую!

– Сиё скромное действо я дарю тебе как напоминание о взятом тобой Азове, Пётр Алексеевич! А ты меня действительно простил за конфуз со зверями? – в промежутках меж-

ду поцелуями успевал вставлять Лефорт. – Кстати, та девица, которую ты сейчас таскал на руках, является сестрой твоей «Кокуйской царицы» Анны.

Царь прервал поцелуи. Оглянулся на скромно стоящую недалеко от него танцовщицу и, дыхнув стойким перегаром в ухо Лефорта, тихо спросил:

– И она тоже так же хороша, как и Анна?

– Они обе сёстры, а какая из них лучше – решать уж тебе, мой государь. Самые большие комнаты, с самыми лучшими спальнями, широкими кроватями да мягкими перинами в моём дворце в полном твоём распоряжении!

Пётр Алексеевич вскочил на ноги. Широким шагом быстро подошёл к танцовщице, приподнял её чадру так, чтобы её лицо видел только он сам, и внимательно взгляделся в тонкие черты, а затем страстно поцеловал девушку в губы. Та несколько не сопротивлялась. Насытившись, царь отстранился, посмотрел в её большие глаза и шепнул на ухо:

– Где-то после трёх ночи придёшь ко мне. Скажешь слугам Лефорта, чтобы проводили тебя до меня. Они покажут тебе, куда надо идти!

Пётр Алексеевич направился к сидящей за столом Анне. Уселся рядом с ней, ещё раз оглянулся на танцовщицу и неожиданно поцеловал в губы «Кокуйскую царицу». Та попыталась сопротивляться, но её воля была быстро сломлена медвежьей силой царя. Оторвавшись от сочных губ дамы, он крикнул смиренно сидящему на ковре Лефорту:

– Ты окончательно прощён, мой друг, но требую от тебя фейерверка, и прямо сейчас!

Лефорт тут же вскочил на ноги. Галантно раскланялся перед царём и быстро пошёл к выходу. Когда он проходил мимо тёмно-синей занавески с вышитыми серебряными нитями луной и звёздами, из-за неё выскочил его слуга и пошёл следом за своим господином, на ходу пряча за пазуху флейту. Ту самую, звуки которой только что звучали под сводами дворца.

Вскоре за окнами вновь зазвучали раскаты салюта, и те, кто еще мог хоть как-то стоять на ногах, пошли смотреть на огненное представление, а оно того стоило. На вбитых кольях, шипя и извергая снопы искр в разные стороны, крутилась целая вереница огненных дуг. Многоствольные, диковинные конструкции запускали в небо ракеты: скопом и по одиночке. Некоторые из них взрывались огненными шарами, а другие пронзали небо множеством ярких стрел.

Николай с его друзьями и Марфа стояли в стороне и с интересом наблюдали за развернувшимся феерическим спектаклем. В это время под грохот выстрелов, несмотря на свой огромный рост и хорошее подпитие, совершенно неслышно подкрался Пётр Алексеевич. Он встал позади куста сирени и стал прислушиваться к тому, о чём говорят его гости. Николай его уже заранее заприметил и незаметно толкнул в бок своего тестя Алексея Никифоровича, а тот предупредил Андрея Яковлевича. Разговор мужчин со стороны самым есте-

ственным образом перетёк на технические темы: орудия, корабли, производство оружия, организация боя и захват фортификационных сооружений противника. Но Марфа не замечала присутствие постороннего и внезапно наивно спросила:

– А зачем они столько много пьют?

– Нравится им, наверное, – пожав плечами, как можно равнодушнее ответил Николай.

Голова от выпитого вина у него гудела как пустой чан. Неимоверно клонило ко сну, но бывший опер стойко старался держаться и не ударить в грязь лицом перед своими товарищами. Крёстный Николая вместе с другом были свежи и бодры. Сыскарь с удивлением посмотрел на свою супружницу, которая была прямо аки стёклышко. Точь-в-точь, как её отец. Даже не похоже на то, что Марфа была сильно пьяна. Николай только удивился: «Надо будет потом выведать – как она это проворачивает. Вроде пили с ней на равных. Наверное, в батяню своего пошла. Шибко стойкая к горячительным напиткам оказалась у меня жена!» Какая-то ещё мысль полезла в голову Николаю, но его мыслительный процесс перебил Андрей Яковлевич.

– Дело вовсе не в том, что «нравится» или «не нравится», мой друг! Всё это действие называется «сплочение коллектива». Не путай с бессмысленным и вредным для дела спаиванием людей. Помню, это ещё называлось «культурный досуг» и кое-где и кое-кем широко практиковалось. Не знаю,

как это теперь происходит. Тебе, Николай, это лучше известно, но компании типа «пьянству бой» зачастую приводят к самым тяжёлым последствиям и плохо заканчиваются для организатора этой компании. И к тому же ты должен знать: то, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Как ты у человека по-другому его думы выведаешь? Говорят, что для того, чтобы узнать человека, нужно с ним пуд соли съесть. В день человек съедает меньше половины чайной ложки. А теперь посчитай сколько времени потребуется, чтобы познать ближнего. Только где его взять – это самое «время», если его всё время катастрофически не хватает?

Опытный дипломат хитро улыбнулся и подмигнул Николаю. А в это самое время из-за куста неспешно вышел Пётр Алексеевич. Теперь он топал и сопел как стадо слонов, идущих дружной толпой по саванне к водопою.

– А я вот тут совершенно нечаянно мимо проходил. Дай, думаю, на фейерверки погляжу, посмотрю, как народ радуется, а тут вы стоите. Разговоры всякие интересные, значит, разговариваете. Ежели вы вдруг убежать вздумали и надумали не пить вместе с нами, то это зря! По всему дворцовому саду у меня стоят солдаты Преображенского и Семёновского полка и никого без моего приказа отсюда не выпустят. Им строго велено никого из дворца не выпускать, а коли такие смельчаки найдутся, то ко мне немедля их доставлять для сурового допроса и применения «штрафных наказаний», – хитро улыбнулся Пётр Алексеевич. – Ведь как иначе своих

людей к порядку приучишь? Так об чём вы тут так ладно беседовали?

– Да нет, государь, о побеге мы и не помышляли. Говорили про то, что можно увеличить подвижность и скорострельность наших пушек; упростить их технику наведения на цель; заранее рассчитать траекторию полёта ядер с различным весом, откалибровать порции порохового заряда; на ружьях и пушках сделать прицелы, что будет помощью для бомбардиров при осадах крепостей и в морских сражениях, – начал отец Марфы. – Таким образом, можно в целом увеличить силу и точность русского оружия, а значит, и общую боеготовность нашей армии. Опять же, полагаем, что требуется переделать ручное стрелковое оружие. Сделать пищали более удобными и безопасными в использовании. Увеличить их кучность и дальность стрельбы. Корабли требуется оснастить навигационным оборудованием. Вдобавок к этому нужно, чтобы хотя бы на главном линейном корабле были и метеорологические приборы, чтобы можно было, например, силу и направление ветра измерять не на глазок по слюнявому пальцу, а точно по прибору. Тогда будет легче управляться с парусным вооружением даже менее опытному главе корабля.

– Что-то вы мне больно много всего за раз накидали. А ну-ка, пойдём ко мне в мою залу. Обмозгуем всё это дело со всеми подробностями. Обговорим – что да как и на бумагу перенесём, дабы не забылись дельные мысли. Перо-бумагу

нам Лефорт прикажет принести. Он у меня вельми знатный, опытный вояка. Вот пусть сам с нами посидит, послушает наши разговоры да своим намётанным глазом на всё посмотрит. Чем больше умных голов соберём для нашего дела, тем лучше будет для государства нашего. Чует моё сердце, что мы с вами ещё множество славных дел сумеем сделать. Европа ещё узнает, что такое сильная и учёная Россия!

– Но уже полночь близится, государь? – осторожно спросил Николай. – Тебе, наверное, уже пора отдыхать. Может, завтра всё обговорим?

– Нишо! Для толковой работы на часы смотреть нечего! Надо работать тогда, когда работа идёт в охотку, а не по времени, на часы постоянно гляючи, портки свои просиживать в присутственных местах да деньги за ничегонеделанье с народа драть! Пошли работать!

Царь широким шагом направился ко дворцу. Стоявшие на посту солдаты при виде государя уважительно вытягивались во фронт. Но тот даже не замечал их. Он уже загорелся новыми идеями преобразования государства. Государь буквально взлетел по парадной лестнице. Лакеи предусмотрительно открывали перед ним парадные двери. Пётр Алексеевич остановился на пороге и нетерпеливо обернулся. Марфа с отцом и Андреем Яковлевичем еле поспевали за ним. Добежав до государя, они остановились рядом с ним и стали ждать Николая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.